

Религия и политика террора

Гарун Магомедович Курбанов

ОТ АВТОРА

Автор благодарен республиканским СМИ за поддержку и принципиальность при публикации достаточно полемичных материалов. Мы осознаем, что анализируемые в статьях процессы очень сложны и крайне динамичны. Время, возможно, уже по-новому высвечивает некоторые, описываемые нами моменты. Мы с благодарностью примем конструктивные предложения и замечания. Надеемся, что сборник поможет читателю оценить и понять место религии в современных политических процессах Дагестана.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О РЕЛИГИИ, РЕЛИГИОВЕДАХ И АПОЛОГЕТАХ

В последнее время мы все невольно становимся свидетелями того, как на страницах газет и журналов разворачивается острая, порой непримиримая полемика о месте и роли религиоведения и его различных школ и направлений в нашей жизни.

Представители академических институтов и вузовских кафедр убеждают нас в необходимости религиоведения, изучения и постоянного наблюдения за процессами, происходящими в религиозной сфере. В ответ — люди, весьма далекие от этой науки: инженеры, зоотехники, вчерашние партийные и комсомольские функционеры, сменившие свои членские билеты на четки духовных лидеров, наполняют периодическую печать и телеэкраны такими суждениями, которые поражают своим теоретическим легковесием и вызывающей безапелляционностью. Скороспелые богословы, совершенно не утруждая себя раздумьями, попытками вникнуть в суть проблемы, стали говорить о вредности и анти-религиозности и даже об а н т и ч е л о в е ч н о с т и религиоведения. Научные традиции, которые на протяжении веков пытаются ответить на вопрос: «Что такое религия и религиозная вера?», стали обретать в рассуждениях новоявленных мыслителей черты ужасной крамолы. С высоких трибун во всеуслышание говорят о «лженауке под названием «религиоведение» и пишут о том, что оно «показало свою несостоятельность и свое негативное античеловеческое нутро».

Авторы известных опусов, не буду напоминать их имена, для которых «религиоведение» сравнимо с происками разве что шайтана, забывают о том, что интерес к исследованию религии возник не сегодня. Религиоведческие знания — философские, исторические, психологические и другие — накапливались на протяжении веков. Предметные узлы этой науки вычленились и создавались в самих религиозных системах. Уже первые ханифы — проповедники единобожия в Аравии, если говорить об исламской традиции, невольно были вынуждены вникать в религиозные представления своих современников, часто казавшиеся им лишены всякого смысла. Позднее мусульманские богословы стали заниматься описанием особенностей культа тех религий, с которыми им приходилось вступать в борьбу, главным образом для того, чтобы облегчить задачу тем, кто шел следом за ними. Благодаря их трудам нам стали известны религиозные культы и верования аравийских племен, сасанидов, гуннов и т. д. К этому добавилось и стремление отыскать критерии, которые позволяли бы решать, какие религиозные убеждения и действия достойны человека. При этом разброс мнений был достаточно широким.

Уже в VIII в. появились мутазилиты (отколовшиеся), которые выступили против буквального понимания атрибутов Бога и пришли к отрицанию извечности Корана. Именно они заложили начало «ильм ат таф-сир» — науке комментирования и фальсафа, первым

представителем которого был аль Кинди.

Средневековые мусульманские философы обратились к вопросу о том, возможно ли, а если возможно, то до какой степени, подвергнуть научному рационалистическому анализу религию. Конечно, сама постановка вопроса и размышления на эту тему не были безобидными. Представители духовенства прекрасно осознавали опасность возможного вольнодумства, поскольку внутренняя перспектива таких изысканий была направлена в глубину таинственного феномена человеческой реальности — религии,

Подобные исследования определяли неоднозначное отношение к религии. Это отношение зачастую обнаруживало два полюса: теистический и атеистический. Естественно, в условиях средневековья, приверженцы последнего подвергались бесконечным гонениям. Таких исторических примеров тысячи. И 70-летний период внедрения атеизма, которым нас пугают уважаемые ораторы, ничто по сравнению с веками инквизиции и михны. Кстати, одной из жертв михны стал и Ахмад Хан-бал — основатель суннитского мазхаба.

Однако самые жестокие гонения не были способны подавить устремления критического разума, поскольку не всех устраивал тезис, провозглашенный Тертулианом: «Верую ибо абсурдно», точно также, как и принцип: «Не спрашивай, как», заложенный в Символе Веры Абд ал Кадира.

Можно спорить и о том, что знать религию или стать религиоведом человек может лишь тогда, когда он сделает для себя выбор в пользу религии и обретет веру. Разумеется, понятие «религия» в глазах атеиста имеет иную окраску, нежели для приверженца религиозной веры. Но, бесспорным является и то, что проникнуть в существо религиозной веры возможно и совершенно не разделяя ее. Ведь, когда мусульманский теолог изучает иную, скажем, политеистическую религию, или современные секты, он делает практически то же самое: описывает, анализирует и отвергает претензии на истинность чужих религиозных убеждений и ритуалов, поскольку им нет места в доступной для него действительности.

Поэтому высказываемый нашими алимами тезис о том, чтобы понимать религию и писать о религии, необходимо сделать выбор в пользу одной из них, представляется не совсем верным. «Зачем лезть в религиозную идеологию, — вопрошает один из наших оппонентов, — в которой они ничего не понимают?». Да, религию можно изучать изнутри, будучи ее последователем, симпатизируя ей, или снаружи, как критический наблюдатель, философ, и обе перспективы порождают определенные методологические проблемы. И все же, действуя с позиции верующего, возможность субъективизма и потери истинности гораздо выше. Любая религиозная система, ислам не исключение, говорит нам: если ты следуешь за мной, веди себя так-то, думай так-то, говори так-то, совершай то-то. Она требует поклонения и покорности. Здесь даже заблуждения ограничены определенными рамками и заранее известны.

И какая может быть свобода исследования религии в рамках религиозной покорности? Это невозможно точно так же, как слепому представить свет. Религиозные изыскания превратятся в апологетику. Все, что не будет вписываться в рамки данной религиозной системы, объявят ересью, нарушение заповедей почти неизбежно примет форму греха, оскорбляющего Всевышнего. При этом грехом объявляется не только неверие, но и иная вера. Ведь только апологет может написать: «Христианские миссионеры неустанно стараются развратить мусульман... они хотят разными путями ослабить силу мусульман и вытравить из душ молодежи страсть к борьбе за свою веру».

Услышать ответ на вопрос: чем же занимаются мусульманские миссионеры или проповедники в христианской среде? — не представляется возможным.

Вера отличается от философии прежде всего тем, что отталкивается от признания зависимости человека от сверхъестественного и выводит из этого все следствия. Поклоняется ли человек какому-либо тотему, пытается ли умилостивить духа природы или стремится к совершенству, следуя за муршидом, он — тот, чья мысль находится во власти объекта поклонения. В данной системе координат человек доверяется кому-то, кто,

возможно, вовсе не существует и никоим образом с ним не связан. Для рациональной философии же не существуют извечные догмы, она способна возразить и сказать, а, может быть, Бога нет и человек должен уповать на самого себя, на свою совесть, на свой исторический опыт.

Для теолога максимальной истинностью и ценностью обладает информация, которая так или иначе вытекает из священных текстов. Для атеиста, и если угодно для рационального религиоведения, напротив, типично наличие доли скептицизма, особенно по поводу излагаемых в священных текстах описаний рационально необъяснимых событий. Этот скептицизм, это критическое рассмотрение иногда может оказать серьезное влияние на исследовательский процесс и на саму религиозную мысль.

Критический разум способен поставить вопрос и увидеть прогрессирующие симптомы болезни гораздо раньше, чем одухотворенная священными текстами мысль апологета. Образно говоря, диагностирование — это дело не пациентов, а квалифицированных специалистов, хотя в наши дни можно встретить людей далеко не блещущих здоровьем, которые, глядя на ваши не пустые руки, поставят диагноз и вылечат от самой страшной болезни. Чем в итоге подобное врачевание заканчивается, думаю, знают многие.

ГЛАВА I. О РЕЛИГИИ

1.1. ИСЛАМ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАГЕСТАНЕ

Религиозные процессы, протекающие сегодня на постсоветском пространстве, показали, как был далек от истины великий Гегель, утверждая в своих лекциях по истории философии, что «ислам уже давно сошел со всемирной исторической арены и вновь возвратился к восточному покою». Конечно же, это не упрек гениальному философу, просто речь идет о том, насколько сложны и противоречивы процессы, происходящие в религиозной жизни общества, насколько трудны они для прогнозирования и управления. Дело, вероятно, в том, что ислам, как способ осознания действительности общественного развития, ориентирован, с одной стороны, на преодоление фундаментальных антиподий человеческого существования, а с другой — на утверждение принятой в обществе системы ценностей, поддержание и санкционирование определенных норм поведения. Именно эта функциональная противоречивость ставит ислам, как и любую другую религию, в ряд наиболее сложных для исследования социальных явлений. Однако это не только не освобождает нас от научного анализа ислама как социокультурного явления, а наоборот, делает его весьма необходимым. Подобный анализ особенно актуален в Дагестане и не только потому, что для дагестанских народов эпоха исламизации навсегда запечатлелась в исторической памяти как начало цивилизационного бытия, но и потому, что сегодня вопросы религии тесно связаны с политической жизнью, культурой, образованием и бытом многих дагестанцев. Об этом наглядно свидетельствует статистика.

Сегодня в республике функционирует 1594 мечетей, действует 16 шейхских братств, 800 зияратов, или святых мест, 245 примечетских школ, 132 медресе, 17 мусульманских высших учебных заведений и 45 филиалов. Для сравнения — в Дагестане в 20-е годы минувшего столетия действовало 1700 мечетей, 740 примечетских школ и 400 медресе; к 1985 году здесь оставалось 27 мечетей. Если продолжить разговор о сегодняшнем дне, то в республике с той или иной периодичностью выходят 4 мусульманские газеты («Исламский вестник» и «Муалим», «Нур-ул ислам», «Ассалам» и т. д.), действуют 11 исламских культурных и благотворительных центров. Только в 1998 году 14 тысяч дагестанцев совершили паломничество в Мекку. Всего за последние годы из Дагестана совершили хадж более 100 тыс. человек. В Дагестане действовал ряд филиалов зарубежных и международных исламских организаций, в их числе «Галибатал хайрия» со штаб-квартирой в США,

«Ибрагим ал хайрия» со штаб-квартирой в Египте, «Аль Игаса» со штаб-квартирой в Саудовской Аравии, «Сайр Фуидейшн» со штаб-квартирой в Саудовской Аравии. Эти и другие зарубежные исламские центры участвовали во многих мусульманских проектах, осуществляемых в республике. Так, исламская организация «Рабитатул Алам», штаб-квартира в Саудовской Аравии, выделила 15 тыс. долл. на строительство мечети в городе Махачкале. Более тысячи юношей обучаются в различных мусульманских странах.

Исследователи говорят о процессе исламского возрождения в Дагестане. Оно проявляется в том, что появилась возможность открыто исповедовать религию. Восстанавливаются религиозные и культурные связи с зарубежными единоверцами, воссоздается система мусульманского образования, возрождаются так называемые классические, или канонические формы религиозной жизни. В орбиту религиозной деятельности вовлекаются многие тысячи граждан республики. Уровень религиозности, по некоторым социологическим исследованиям, составляет более 60 % среди взрослого населения. Основная масса верующих представляет ислам суннитского направления, относящих себя к шафиитскому и ханифитскому мазхабам. Суфийское течение представлено накшбандийским, кадиритскими и шазилийскими тарикатами. Небольшой процент мусульман представлен шиитским направлением. Кроме того, в последнее время заметна активность и фундаменталистских исламских организаций и общин. В целом, оценивая религиозную ситуацию в республике, можно отметить, что происходит сложное полномасштабное возрождение религии, которое выражается прежде всего в небывалом усилении ислама, его социальных позиций и политической активности. Это подтверждает деятельность в республике исламских партий: «Возрождение», «Джамаатул муслимун», «Исламская демократическая партия», «Союз мусульман России», мусульманского общественного движения «Нур». О росте влияния исламской идеологии говорит и то, что в свое время депутатский мандат в Государственную Думу получил лидер Союза мусульман России. Исламский фактор открыто используется как религиозными, так и национальными движениями. Многие, достаточно влиятельные фигуры в Дагестане, стараются делать ставку на ислам. Апелляция к исламу достаточно эффективно используется как оппозицией, так и руководством республики. Главы духовных управлений приглашаются к участию в проведении общественных мероприятий государственного значения, для освящения различных событий. Подобная политика позволяет не только рассчитывать на поддержку значительной части населения республики, но и рассматривать традиционный ислам как национально-культурное достояние народов Дагестана. Укрепляется его положение и в системе образования, ведутся факультативные занятия в общеобразовательных школах, поддерживается практика возвращения религии в воинские части и в места для заключенных. Во многих государственных учебных заведениях, организациях и учреждениях открыты молельные комнаты, именами исламских авторитетов называются проспекты и улицы городов.

Растет финансовая поддержка религии государством. Так, в 1995 году на строительство мечети в городе Махачкале было выделено 350 млн рублей. Для оказания помощи в 1995 г. выделено 475 млн рублей. В 2000 году для строительства здания исламского центра выделено 3 млн рублей. Всего, по словам муфтия Ахмед-хаджи Абдуллаева, духовное управление получило только на строительство мечети один миллиард бюджетных рублей. По сути, инициируется процесс бывших «союзнических» отношений государства и религии. Одним из примеров может служить проект республиканского закона «О защите личной и общественной нравственности», где предусматривается создание общественных экспертных комиссий, включающих представителей религиозных организации, которые будут осуществлять деятельность по упорядочению в сфере искусства, воспитания детей и подростков, проведения зрелищных мероприятий, кино- и аудиовизуального проката. Показательно и то, что республиканские СМИ, в частности телерадиокомпания «Дагестан», стала одним из субъектов, участвующих в формировании исламского фактора. В передачах радио и телевидения идет переосмысление роли религии в обществе, в культуре народов

Дагестана, подчеркивается ее патриотический характер. Религиозные публикации подаются как средство от бездуховности, поразившей общество. Духовные лица получают доступ к средствам массовой информации с целью широкой пропаганды своего учения. Иламская тематика, выйдя за рамки отдельных рубрик, воплотилась в различные радио- и телепрограммы.

Все это, с точки зрения должного или мусульманской экзегетики, возможно, и благо. Но речь идет о реальной земной жизни человека. И здесь мы сталкиваемся с новой мифологией, в которой в значительной мере сохраняется старая технология. Вероятно, нет необходимости говорить подробно о социальных корнях, о внутренних и внешних причинах такого религиозного бума. Многие исследователи видят в сегодняшнем обращении к религии форму социального протеста. Некоторые считают, что религия не просто надстройка, идеология, а некая самостоятельная категория с собственными методами исправления ситуации. Третьи полагают, что нынешнее религиозное возрождение непосредственно направлено на восстановление важного этнокультурного слоя народов Дагестана. На наш взгляд, подобный всплеск обусловлен, в первую очередь, глубоким социально-экономическим кризисом, охватившим республику в последние годы. Это и уровень официально зарегистрированной безработицы, который еще в январе 1996 года составил 7,2 %, что в 2 раза больше, чем в среднем по Российской Федерации. Здесь и быстрая урбанизация (бурный рост городского населения за счет выходцев из сельской местности) и вопиющее имущественное расслоение на фоне массового обнищания. По некоторым данным, 200 семей контролируют огромные материальные средства. Можно говорить и о внешних факторах: чеченская, арабская пропаганда, паломничество. В немалой степени данному процессу способствовало и принятие федерального и республиканского законов «О свободе совести...» и утрата идеологических установок, сложившихся в годы Советской власти.

90-е годы перевернули многое. Крах советской системы и ее ценностей освободил интеллектуалов от химеры свободы совести. Ценности поколений 60-х и 70-х ушли в прошлое. Но на их место пришли не новые ценности, а лишь новые соблазны. И именно они заполнили образовавшийся вакуум, став единственным мотивационным фактором. В этих условиях с провозглашением гласности и свободы слова в прежних мифах просто изменились знаки — плюсы поменялись на минусы. Для этого достаточно сравнить прошлые атеистические публикации и передачи, исчезнувшие в одночасье с полос СМИ, в угоду конъюнктуре. В общем, речь идет, говоря религиозным языком, о том, что ислам становится фактором легитимизации почти всех социальных форм и действий. Возможность такую религия получает вследствие того, что в республике еще не утрачено значение негосударственных средств поддержания конформного поведения и стабильности через нравы, обычаи, традиции и ритуалы. Дагестан все еще остается традиционным обществом, где моральная обязанность того или иного образа действий, которые предписывают совершать одни действия и воздерживаться от других и уважать определенные области свободы, служат проявлением в действии приверженности к исламским ценностям. Эти ценности включаются в политическое поведение в качестве установок в отношении к национально-государственным структурам. Потребность в легитимизации политической власти способствует, наряду с разработкой системы вероучения, и формированию религиозных деятелей, которые входят в круг политической элиты, тем самым поднимая функции религии на новый уровень. Практически ислам превращается в мажоритарную, «государственно-национальную» религию. Опасна ли эта тенденция? Безусловно. И связана она с той ролью, которую «деятели от религии» взяли на себя в нашем обществе.

Специалистам известно, что политическая система, которая не учитывает тенденции развития современного общества и пытается основывать свою легитимность, опираясь на религию, может рассчитывать лишь на кратковременные результаты. В какой мере эффективна религия в этой роли, можно судить по тому, что происходит во многих исламских государствах. Дело в том, что религия, пытаясь сохранить свое влияние на

политическую жизнь современного общества, вынуждена включать в свою систему ценностей те аспекты, которые, может быть, изначально ей чужды и не являются ее традиционным достоянием. В этих тенденциях заложена основа внутрирелигиозного конфликта, который определяет ее раскол и неоднородность. Кроме того, религиозная группа является нормативной. Она всегда притязает на универсальность своего вероучения, что делает чрезвычайно затрудненной ее коммуникации с другими религиозными группами. И чем всеобъемлющей представляется группе система собственных убеждений, тем меньше возможностей для диалога и больше проявлений нетерпимости. Религиозная нетерпимость связана с неспособностью признать право другого на истину и обладание ею. Ситуация в Дагестане, где наблюдается жесткое противостояние тарикатского ислама и современного фундаментализма — «ваххабизма», — тому подтверждение. Внешне направление фундаментализма заключено в стремлении вернуться к истокам религии, восстановить размытые и утраченные идеалы. Сторонники исламского фундаментализма своей целью считают не только очищение религиозной доктрины от более поздних наслоений, возрождение исламской морали, но и, в первую очередь, воскрешение идеального исламского государства. Глубинные истоки этих явлений показывают, что в исламском фундаментализме доминирует «мирской» аспект, который не просто отличает его от других возрожденческих моделей, а делает его более последовательным. Социальным идеалом выступает «образ жизни», который может быть реализован только в исламском государстве. Отсюда, как следствие, — политизация ислама. Однако мы не стали бы преувеличивать значение фундаментализма в республике, ибо это часть политической жизни. В дагестанском фундаментализме выделяют умеренное крыло последователей А.Ахтаева, умеренно-радикальное крыло последователей Багавутдина Магомедова и радикально-экстремистское течение с центрами в Чечне. К последнему можно отнести группу «Меч ислама». Ориентировочное число последователей фундаментализма около 4000 человек. Эти общины, или «ваххабитские» группы, активно участвуют в создании своей сети исламских учебных заведений, строительства мечетей, организации учебы в зарубежных религиозных центрах. При этом мы вовсе не отождествляем фундаментализм с «исламским экстремизмом», поскольку последний термин сам по себе не корректен. Практика показывает, что обращение к экстремистским методам зачастую происходит тогда, когда верующим отказывают в легитимной политической деятельности. Наиболее представительные тому примеры — ситуация в Таджикистане и в Алжире.

Специфика внутримусульманского противостояния в Дагестане состоит в том, что она носит и прямой и опосредованный характер. Это и направление усилий противостоящих течений на формирование о своем оппоненте негативного общественного мнения, и апелляция к общественности, подчеркивая якобы имеющееся размывание коренных устоев дагестанского народа и его культурно-национальной самобытности. Очень часты попытки подавления своего оппонента с помощью государства, с привлечением известным образом ориентированного правительства. Формальное существо внутриисламского конфликта в Дагестане состоит в том, что фундаменталисты, или «ваххабиты», требуют возврата к «чистому» исламу, отказа от суфизма, от института шейхства и религиозных братств, традиционных для Дагестана. Фундаменталисты требуют также отказа от суфийской обрядности, культа святых, введение элементов шариата, основанных на ханбалитском мазхабе. Конфликт усугубился с принятием в 1997 году Закона Республики Дагестан «О свободе совести и свободе вероисповедания и религиозных организациях». Ряд статей этого закона способствовал еще большему обострению отношений между традиционалистами и фундаменталистами. Ссылаясь на закон, традиционалисты направляют обращение к Госсовету, Народному Собранию и Правительству с предложением о принятии неотложных мер против распространения фундаментализма. В религиозной печати начинается взаимная травля. Нарастание противоречий переросло в некоторых регионах в открытое вооруженное противостояние. По сути, внутрирелигиозный конфликт оказался одним из факторов дезинтеграции и нестабильности в республике. Подобный религиозный опыт имел для

ислама в Дагестане серьезные последствия. Тенденция политизации религии не вызвала ответного религиозного бума среди населения. Скорее, происходит дискредитация ислама как социального института. Его рейтинг стал резко снижаться. Так, социологические исследования, проведенные Институтом религиоведения показали, что часть респондентов идентифицирующих себя с исламом, не испытывают доверия к деятельности различных его институтов. Из стабилизирующего фактора религия превращается в фактор дестабилизации. Она дает стимул к сопротивлению всем тем, кто не хочет жить по принятым в обществе правилам.

Любопытно и то, что в массовом сознании жителей республики наблюдается высокая веротерпимость. Подавляющее большинство респондентов (до 80 %) согласилось с утверждением того, что последователи всех религий имеют право исповедовать свои взгляды на территории республики. Но и, наконец, только 19 % опрошенных считают, что религия так или иначе должна определять общественную жизнь республики. Большинство же считает опасным тенденцию возврата к монополии религии в духовной жизни общества и требование клерикализации республики под эгидой ислама. Эти исследования еще раз подчеркивают необходимость совершенствования механизма правового урегулирования отношений между религиозными организациями при условии реального отделения их от государства и учета равенства перед законом. Кроме того, анализ религиозной ситуации, складывающейся в республике в последние годы, и ее влияние на общую политическую обстановку приводит нас к выводу о том, что стабильность политического устройства может быть обеспечена лишь при рационально-правовой форме власти, где граждане следуют обезличенным правилам, в силу доверия эффективности принятых в обществе законов, а не в силу приверженности к тем или иным религиозным убеждениям. Лишь в этом случае религиозные организации не смогут потребовать немедленной отставки Госсовета и Правительства и внесения поправок в Конституцию республики, объявляя ее исламской республикой, как это было в августе 1998 года, и не смогут объявлять шариатское правление.

1.2. РЕЛИГИЯ В ДАГЕСТАНЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

С начала 90-х годов религия стала играть заметную роль в жизни дагестанского общества. Новым содержанием наполнились религиозно-государственные отношения. В десятки и сотни раз увеличилось количество религиозных храмов. Только в городе Махачкале сегодня действует 57 мечетей. Множество различных религиозных движений, союзов, фондов и объединений участвуют в политической жизни республики. Сформировалась достаточно большая группа профессионального духовенства, активно проповедующая религиозные ценности и отстаивающая свои корпоративные интересы.

Важным компонентом религия выступает и в сфере межнациональных отношений. Используя исторические традиции и обрядность, религия участвует в формировании этнокультурных особенностей дагестанцев. Она стала своего рода необходимостью, которая подчеркивает самобытность проживающих здесь народов.

Вместе с тем религия оказалась втянутой и в сложные политические процессы. Стал фактом раскол верующих в республике по политическим предпочтениям.

Все это ставит перед необходимостью поиска ответов на вопросы: каковы социальные, политические и духовно-нравственные ориентации верующих и духовенства, каков характер связи религиозных объединений с внешним миром, со светскими властными, социальными и культурными структурами, каков характер складывающихся в республике отношений между верующими и неверующими, между представителями различных религиозных направлений?

Решению этих вопросов подчинен разрабатываемый нами долгосрочный социологический проект «Религиозная ситуация в Республике Дагестан: тенденции и перспективы». В рамках этого проекта в 2000 году мы провели выборочный опрос населения республики с охватом около 2000 человек. Объектом исследования стали различные этнические, социальные, возрастные группы жителей Дагестана.

Религиозность

Социальные и политические события, происшедшие в республике в последние годы, серьезно отразились на религиозности дагестанцев. Социологическое исследование показывает некоторое падение роста уровня религиозности населения республики, наблюдавшегося в 1991–1998 гг. Если социологический опрос, проведенный в 1995 году, выявил 76,3 % верующих, то по данным 2000 года, только 64,1 % от числа опрошенных посчитали себя людьми верующими. В ряду множества причин, обусловивших это падение, немаловажную роль, возможно, сыграло и осознание того, что религия, как и столетия назад, все еще может оказаться прибежищем для тех, кто со штыком в руке хочет утвердить свой порядок. Это заметно из ответов на вопрос: «Изменилось ли ваше отношение к религии в связи с терроризмом и военными действиями религиозных экстремистов в Дагестане?». Около 25,7 % опрошенных признали, что их отношение к религии изменилось в худшую сторону.

В целом же ориентированность дагестанцев на религиозные ценности и религиозность массового сознания остается его устойчивой характеристикой.

С мировоззренческих позиций верующим противопоставляют себя около 13,2 % дагестанцев, которые убеждены в своей «нерелигиозности». 10,1 % считают себя колеблющимися и 10,2 % — затрудняющимися определить свое отношение к религии и к вере. В обобщенном виде социальные портреты верующих и неверующих дагестанцев не имеют существенных различий. Обе группы поровну представлены мужчинами и женщинами. Интересно то, что среди различных возрастных групп верующих достаточно большой процент составляют граждане от 20 до 40 лет.

Обращает на себя внимание и позиция студенческой молодежи. Среди опрошенных из ее числа 63,5 % убеждены в своей религиозности. Опрос, проведенный в 1987 году, показывал, что доля студентов, объявлявших себя верующими, колебалась от 27,5 % до 33,3 %. Исследование мировоззрения сегодняшней молодежи показывает, что оно складывается под воздействием различных тенденций и, в первую очередь, повышения роли и влияния религии. Результаты опроса констатируют преодоление ранее бытовавших стереотипов — «религия — удел стариков». В настоящее время оказывается, что возрастные различия сколько-нибудь значительно не влияют на религиозность и мировоззрение людей.

Наблюдается и уменьшение зависимости уровня религиозности от уровня образованности. Религия достаточно упрочила свои позиции в среде наиболее образованной части населения республики. Из опрошенных верующие с высшим образованием составляют 41,4 %, а со средним — 48,8 %. Заметно увеличение людей, которые не видят принципиальной несовместимости религиозного и научного знания. Это подтверждает тезис, недавно выдвинутый Президиумом Российской академии наук о том, что российская наука и образование оказались в осаде беспрепятственного распространения мистических верований — астрологии, шаманства, оккультизма, пророчества и околонуточных мифов. Опрос показывает, что мифологическое сознание неодолимо расширяется и все больше сближается с образовательным процессом. Об этом свидетельствует отношение к вопросу «Надо ли вводить преподавание религии в общеобразовательных школах?»: 40,2 % респондентов посчитали, что это нужно, 40,1 % ответили «Нет» и 17,7 % затруднились ответить.

Социологические исследования в этнических группах выявили различные показатели религиозности. Значительно высоки они среди аварцев (82 %), среди даргинцев, кумыков и лакцев (61 %), лезгинов, табасаранцев и русских (47–50 %).

Эта ситуация вызывает ряд вопросов и в первую очередь, почему общественное сознание дагестанцев в большинстве своем ориентировано на религиозные ценности и нормы.

Ответ на этот вопрос, вероятнее всего, надо искать как во внутренних, так и во внешних причинах. Если говорить о внутренних, то это связано с тем, что религия на

протяжении достаточно длительного периода играла в Дагестане важную роль в формировании национальных общностей. Дагестанские этносы, их традиции и культуры прошли своеобразную религиозизацию. Элементы этнической психологии многих дагестанских народов, определяющие их массовый народный опыт, ценностные ориентации, складывались под влиянием той или иной религии.

Если попытаться шире рассмотреть эту проблему, то можно обнаружить ряд разнопорядковых факторов: глубокие общественно-политические преобразования, отсутствие стабильности в обществе, углубляющееся имущественное и материально-финансовое неравенство, взяточничество, отток сельского населения в города и увеличение количества безработных, инфляция, отсутствие правовой защиты и т. д.

Проведенный опрос показывает, что население живет с некоторым ощущением тревоги. Весьма выразительно зафиксированное в этот период состояние социальных чувств населения Дагестана, отражающее значительное психоэмоциональное напряжение в обществе. Так, на вопрос: «Как вы оцениваете сегодняшнее ваше психоэмоциональное состояние?», только 12,7 % сочли его положительным. Остальная часть опрошенных определила его как отчаянное, подавленное и угнетенное. Безусловно, нарастание отчуждения человека от общества, и как следствие, сдвиг в ценностной ориентации.

Что же касается внешних причин, они, скорее всего, обусловлены международными геополитическими интересами в регионе.

Следует отметить, что религиозность дагестанцев неоднородна. Она представлена, с одной стороны, проявлением собственно религиозного сознания, с другой, — секуляризованной религиозностью, которая выполняет роль этнокультурного идентификатора. Преобладает тип религиозности или верующих, не связанный с регулярной культовой практикой. Если верующими себя считают 64,1 % опрошенных, то соблюдают все религиозные обряды только 29,1 %, некоторые обряды — 39 % опрошенных.

Можно сделать вывод о том, что для многих вера «не вписывается» в рамки какого-либо традиционного вероисповедания и религиозной системы, а носит достаточно аморфный и ситуационный характер. Это же подтверждает самооценка верующих, которые определяют истинно верующими в среднем 20–25 % от общего числа верующих. Этот факт говорит о том, что религиозное сознание дагестанцев не носит строго конфессионального характера. Речь идет, скорее, об определенном конформизме. Свидетельство тому — появление в последние годы в республике различного рода нетрадиционных верований, учений и культов «семьи», протестантской церкви, «ашрамы» и т. д. Их расцвет невозможно объяснить, если рассматривать изолированно от повседневной реальности, от духовного нигилизма, прикрытого лицемерием и ханжеством. Феномен неконфессиональной религиозности можно объяснить и разочарованием верующих в традиционной религии и ее духовенстве.

Можно говорить и о том, что для большинства опрошенных религия представляет скорее морализирующий фактор. Достаточно наглядно это иллюстрируется ответом на вопрос о призвании религии:

«В чем, по Вашему мнению, основное призвание религии?» -

«Способствует нравственному совершенствованию человека» -42,1 %;

«Улучшает отношения между людьми» — 40,4 %;

«Готовит человека к загробной жизни» -17,4 %.

Опрос выявляет рационализацию веры, признание значимости веры в обслуживании и решении земных вопросов. Около 27 % опрошенных считают, что религия должна определять семейно-бытовые отношения дагестанцев. Речь идет о признании религиозных регуляторов в повседневной жизни дагестанцев. В силу этого становится возможным запрет в некоторых населенных пунктах Дагестана праздничного и свадебного веселья, концертных выступлений и теле-радиовещания. Налицо факт того, что значительная часть общества

видит в религии «безоблачную» идеологическую опору для адаптации к новым экономическим, социально-психологическим и политическим реальностям.

Религия и политика

Один из основополагающих вопросов, определяющих место и роль религиозных организаций в обществе, — это вопрос о соотношении религии и политики в их деятельности. Немало людей, мыслящих категориями религии, стремится найти посредством ее теорий средства разрешения проблем, встающих перед обществом. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Должны ли религиозные организации участвовать в политической жизни республики?» Почти 41 % опрошенных посчитали, что должны.

Небезынтересны в этом смысле и ответы на вопрос: «В каком государстве Вы хотели бы жить, в светском или в религиозном?». Лишь 50 % опрошенных заявили о том, что хотели бы жить в светском государстве, а 26 % пожелали жить в теократическом (религиозном) государстве, и 24,1 % затруднились ответить. При этнодифференциации ответов на этот вопрос обнаружилось, что из всех опрошенных 45,6 % аварцев, 16 % даргинцев, от 10 до 14 % кумыков, лакцев и лезгин хотели бы жить в теократическом государстве. Наибольшая настороженность в отношении теократии зафиксирована у русских — 1,9 % и татов 1 %. Последнее в немалой степени объясняется однобокостью вероисповедной политики в республике. Возможно, поэтому на вопрос: «Как Вы оцениваете закон РД «О свободе совести, вероисповедании и религиозных организациях?» 24,6 % опрошенных ответили, что закон не работает.

Примером тому открытое недовольство «иноверными», «атеистами», которое присутствует в публичных высказываниях руководителей различных исламских и государственных организаций.

В целом же анализ позволяет говорить об усилении клерикальных тенденций в обществе, втягивании религиозных деятелей в политический процесс и, самое главное, о возрастании надежды у некоторых народов на то, что религия и церковь способны сыграть значительную роль в преодолении кризиса, поразившего общество. В условиях Дагестана это весьма тревожный симптом, свидетельствующий о готовности большинства дагестанцев опереться на исламские политические идеи и мусульманские модели государственного устройства. Эти тенденции прослеживаются и в ответах дагестанцев на вопрос: «Должны ли религиозные организации действовать согласно республиканским законам?». Положительно ответили лишь 68,4 %, а 17 % опрошенных посчитали, что религия не должна действовать согласно российским и республиканским законам, и 14,7 % затруднились ответить.

Социологический опрос выявляет размытость в общественном сознании конституционных принципов, светского государства. На вопрос: «Поддерживаете ли Вы принцип отделения религии от государства?» лишь 36,3 % ответили «Да», а 46,5 % посчитали, что религия и религиозные организации не должны быть отделены от государства. Более того, около 17 % опрошенных дагестанцев допускают возможность насильственного навязывания религиозной веры. Эти ответы наводят на серьезные размышления. И связано это с тем, что подобные настроения используются для оправдания, с одной стороны, стремления религиозных организаций к реализации «симфонии» с государством, а с другой — попытки некоторых государственных деятелей или какой-нибудь идеологизированной группировки занять в этой «симфонии» ведущее место и вовлечь религию в различные политические проекты. Эти установки в реальности воплощаются в закулисных сближении представителей государственной и религиозной бюрократии на основе сведения своей деятельности к имитации — созданию видимости служения народу.

В целом же, речь идет о том, что в республике существуют настроения, прямо

способствующие политизации религии. Подобная ориентация нередко находит выход в поддержке харизматических лидеров, использующих религиозную риторику. Достаточно вспомнить объявление ваххабитами в Кадарской зоне шариатского правления со своими вооруженными формированиями, эмиром и судами. Исламскими лозунгами прикрывалось и создание так называемого «Конгресса народов Чечни и Дагестана», и захват в мае 1998 года здания Правительства в Махачкале, и нападение чеченских бандформирований в 1999 году на Дагестан.

Социологический опрос выявил и устойчивую тенденцию, которая пытается свести конституционное право граждан на свободу совести исключительно к свободе вероисповедания и свободе религий.

Часть дагестанского общества усматривает в религиозной свободе никем и ничем не контролируемую деятельность. По большому счету, речь идет об отсутствии публичности и открытости в деятельности религиозных организаций, они очень напоминают тарикатские братства со своими тайными знаниями и узким кругом посвященных.

На наш взгляд, отношение к религии как к фактору влияния на реальную жизнь, связано с отсутствием иных, демократических, реально действующих политических сил, движений, партий, которые бы могли ставить и решать политико-экономические проблемы переходного периода.

Межконфессиональные отношения

Конфессиональный спектр Дагестана представлен в основном исламом, христианством и иудаизмом. По данным Минюста РД, к 15.05.2000 г. государственную регистрацию прошли 234 исламских, 6 христианских и 4 иудейских религиозных организаций (на 25.11.2001 г. зарегистрировано 514 религиозных организаций: 495 мусульманских, 16 христианских, 4 иудейских). В рамках этих направлений действуют различные модели религиозных отношений.

В достаточно однообразной религиозно-конфессиональной структуре современного Дагестана можно, пожалуй, выделить три специфических круга отношений. Первый, наиболее массовый, образуют последователи ислама, православия и иудаизма. Другой составляют приверженцы различных направлений ислама: суннитов, шиитов, последователей тариката и ваххабитов. Наконец, в третий, самый обширный входят, с одной стороны, представители так называемых традиционных для Дагестана конфессий, а с другой — новых, в основном протестантских религиозных движений. Правда, при всей специфичности религиозно-конфессиональных отношений в каждой из указанных групп основной вектор выстраивается между тем или иным вероисповеданием и исламом. Это определяется тем, что последний является самой массовой религиозной системой в Дагестане.

Сами эти отношения в настоящее время на уровне институциональных структур развиты по-прежнему слабо, носят эпизодический характер. В основном они сводятся к обмену мнениями по представляющим общий интерес вопросам законодательства. Причем, подобные встречи бывают нередко инициированы республиканскими властями. В каждой обозначенной нами группе отношения складываются по-своему. Если в первой группе они носят достаточно корректный характер, то в двух остальных они напряжены и взрывоопасны. В большей степени они связаны с вопросами прозелитизма. Неоднородная конфессиональная структура побуждает религиозные организации к острому соперничеству, к конкурентной борьбе за паству.

Симптомы этого явления отчетливо прослеживаются в средствах массовой информации. Об этом говорит и публичное, нарочито демонстративное религиозное и конфессиональное предпочтение со стороны некоторых государственных работников и средств массовой информации. Примером тому служат публикации в газетах «Ассалам», «Нур-ул-ислам», «Дербентские новости». Речь идет об открытом противодействии

мусульманских и православных организаций протестантским. Неоднозначное понимание принципа равенства религий в Дагестане подтверждают результаты наших опросов. На вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что все религии имеют равное право проповедовать свои взгляды на территории Республики Дагестан?» только 53 % опрошенных ответили положительно, 27,7 % не согласились с принципом равенства религий, и 18,3 % затруднились ответить на этот вопрос. Эт-нодифференциация данного вопроса показывает, что около 30 % лакцев и лезгин, 27 % аварцев, 20 % даргинцев и 16 % кумыков не признают равного права всех религий проповедовать свои взгляды на территории РД.

Налицо деление религий на «первенствующие», «терпимые» и «гонимые». На этой почве возрождаются трения, казалось бы, навсегда ушедшие в прошлое. Отсюда и обращения представителей традиционных конфессий к руководству республики, правоохранительным органам, с настойчивой просьбой ограничить, даже запретить миссионерство протестантов в республике.

В силу этноконфессиональных особенностей Дагестана проблемы межконфессиональных отношений непосредственно касаются межнациональных отношений. Тесная связь религии и этноса и принадлежность конфликтующих сторон к различным этническим группам, очень часто приводит к тому, что конфликт приобретает и межэтнический характер. Религия в этих случаях используется как этномобилизующий фактор. Эти особенности религии осознают многие дагестанцы. Социологический опрос показал, что только лишь 33,1 % опрошенных считают, что религия положительно влияет на межнациональные отношения. 28,6 % дагестанцев разделяют мнение, что религия и ее институты не способны содействовать улучшению межнациональных отношений, и во многом их усугубляют, а 20,4 % респондентов считают, что религиозная вера никак не влияет на межнациональные отношения в республике.

Выводы

1. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что социальные и политические перемены, происшедшие в республике в 90-е годы, существенно изменили религиозную ситуацию в Дагестане. В целом она сегодня оценивается как напряженная.

2. Произошло заметное возрастание роли и значения религиозной составляющей общественного сознания населения республики, возросло понимание закономерности существования религии и ее институтов в обществе на данном этапе его развития. Религия, речь идет в большей степени об исламе, воспринимается не только как религиозная система, а как естественная для народов Дагестана культурная среда, национальный образ жизни. В этом смысле религиозность несет в себе значительный потенциал отторжения либеральных, западных ценностей, в том числе прозападных экономических реформ.

3. Очевидно, влияние религии на различные сферы общественной жизни республики в ближайшие годы будет усиливаться, хотя относительный уровень религиозности будет поддерживаться формальными верующими, демонстрирующими свою принадлежность к определенной конфессии из соображений конформизма или престижа.

4. Сохраняются тенденции к политизации деятельности духовенства, клерикализации общества при стремлении некоторых государственных органов и деятелей использовать религиозную риторику и настроения верующих масс в своих политических целях.

5. Исследование показало, что утратили свою однозначность такие, прежде ярко выраженные, взаимосвязи, как религиозность и возраст, религиозность и образование. Анализ выявил тенденции к некоторому омоложению состава религиозных общин, формированию нового типа верующих. Одновременно, под влиянием религиозного обучения и активной пропаганды вероучений, можно ожидать наполнения массо-

вого сознания религиозной информацией, а в будущем формирование религиозного центра, способного поставить и решить единые стратегические задачи.

6. В сфере межконфессиональных отношений — можно предположить, что негативный

эффект, связанный с миссионерством в республике протестантских объединений и экстремистских течений ислама, будет еще сохраняться.

1.3. СУФИЗМ: ТАЙНЫЙ И ЯВНЫЙ

Психофизиологические аспекты мусульманского мистицизма

Феномен суфизма всегда был одним из приоритетных объектов в мировом и отечественном исламоведении. Это определялось не только глубоким теологическим, философским и этическим наследием суфизма, но и не менее интересным для исследования психологическим опытом.

Тем, кто бывал в Стамбуле, наверняка доводилось быть очевидцем удивительного обряда, регулярно проводимого дервишами суфийского братства Мавлавия, недалеко от величественного собора Ай-София. Группа молодых людей, одетых в традиционные турецкие халаты и фески, под мелодичный аккомпанемент восточной музыки кружит в танце — халай. То стихая, то вновь накатывая с новой силой, танец напоминает морские волны, на гребнях которых блаженно покачиваются белые чайки. Это завораживающий танец. Накаты ритмической экспрессии сменяются мистическим трансом. В какой-то момент кажется, что танцоры находятся в состоянии полного отрешения.

Так, вот уже более семи столетий «танцующие дервиши» не дают забыть имя основателя братства, суфийского поэта Джалалетдина Руми, облекшего свои мистические видения в образы вдохновенной восточной поэзии. Точно так же бережно хранят память о своих основателях многочисленные суфийские братства (сухравардия, кадирийя, шазилийя, кубравийя, иасавийя, накшбандийя, чиштийя и т. д.) по всему Ближнему Востоку, в Средней Азии и на Кавказе. Исследователи насчитывают в суфизме 12 линий и более 3000 различных братств и ответвлений. Несмотря на то, что в XX веке суфийские братства подвергались серьезным нападкам: ваххабитский переворот в 1924 г. в Саудовской Аравии, запреты Ататюрка в Турции, отмена наследственной преемственности тариката в 1952 г. в Египте, декрет, запрещающий учреждение новых братств в Марокко 1946 г., запреты тарикатских братств в республиках СССР и т. д., суфизм сумел сохранить достаточно высокую популярность в исламском мире.

Конечно, эти и другие процессы секуляризации основательно пошатнули позиции суфизма, и очевидно, что братства уже никогда не сумеют восстановить свое былое влияние на жизнь мусульман. Но это вовсе не означает, что они не играют в ней серьезную роль. Не следует думать, что произошедшие перемены усыпили силы, прежде вдохновлявшие братства суфиев. Они все еще существуют и активно проявляют себя в современной жизни. Это заметно на примерах республик Северного Кавказа, которые в последнее десятилетие буквально захлестнули многочисленные братства. В одном лишь Дагестане представлены три направления тариката — накшбандийский, кадирийский и шазилийский. Происходит возрождение суфийской традиции посвящения и наставничества. Общее число мюридов, являющихся последователями 15 шейхов, в Республике Дагестан сегодня составляет 25–30 тысяч человек. Высок в республике и связанный с тарикатом культ святых. Сегодня в республике действует более 850 святых мест. Религиозные праздники, зикр и посещения зияратов все еще собирают тысячные толпы.

Невольно задаешься вопросами: в чем сила этого учения, почему столь непреходящ интерес к мистическому учению и ритуалу суфизма?

Поиск ответа на эти вопросы высвечивает множество факторов. Говоря о социологической стороне проблемы, важно отметить то, что суфизм привнес в ислам во многих регионах местное этническое своеобразие. Возникнув вне официальной религии и обслуживая более глубокие духовные потребности верующих, братства отвечали на запросы той социальной среды, внутри которой находились. Кроме того, суфизм старался объединить и широкую разнообразную религиозную практику. С помощью суфизма были

исламизированы более древние священные традиции, предания, национальные песни, музыка.

И все же, на наш взгляд, не это главное, определяющее в популярности суфизма. Непреходящий интерес к феномену суфизма обусловлен, в первую очередь, его традиционной этико-психологической культурой, методами совершенствования человека, суфийской системой познания. Суфизм пытается предоставить верующему возможность созерцания и общения с Богом. Именно эта особенность суфизма составляет ту притягательную силу, которая вот уже на протяжении столетий привлекает к себе симпатии многочисленных его последователей во всем мусульманском мире от берегов Атлантики до снежных вершин Кавказа. Следует помнить, что суфизм, будучи религиозно-мистическим учением, исторически восполнил и развил те институты ислама, которые прежде всего апеллировали к сфере психической культуры мусульманина.

Надо сказать, что реализация задачи постижения, созерцания или «опьянения» Богом возможна только лишь посредством религиозно-психологических опытов. Этим обусловлен особый интерес суфизма к психологии. Психология, а именно теория сознания, составляла главный предмет суфийского религиозно-философского учения с самых начальных этапов его развития, тогда как сущностная проблематика либо целиком определялась целями и задачами спасения, либо рассматривалась через призму психологии. С другой стороны, сама психология носила в суфизме сущностный характер и суфии не рассуждали о мире как о внеположном сознанию, а рассматривали его исключительно как равнозначное психологическим образам и представлениям.

Суфизм утверждает, что каждый человек потенциально способен перейти к состоянию глубокой мудрости, святости и просветления, приблизиться к божеству, причем путем собственных волевых усилий и практических действий. Поднимаясь с одной духовной ступени на другую, с одного макама на другой, суфий приближает себя к состоянию «фана» — нечто схожее с буддийской нирваной. Поэтому центральное место в суфийской концепции «спасения» от мирских заблуждений и страданий заняло учение о достижении состояния «фана» — «опьянение» Богом, которое стало высшей целью всех суфийских школ. А это обусловило важное значение в суфизме не только этической теории достижения просветленного состояния, но и практических методов изменения исходного морального и психологического состояния человека.

Идея возможности достичь посредством психологического опыта непосредственного интуитивного общения с богом вылилась в разработанную систему. Объявив постижение или приближение к Богу необходимым компонентом всей человеческой жизни, формой существования индивида, суфизм предлагает свой путь — тарикат. Эта дорога фактически сводилась к самоусовершенствованию индивида. Для этого, как полагают суфии, недостаточно лишь знания о том, что ставшие для человека привычным и его образ жизни, мысли, чувства, отношения с внешним миром основаны на ложном представлении, а необходима долгая и упорная работа над собой с целью очищения нафса, подавления в себе различного рода эмоций, чувств и т. п. А для этого нужно пройти семь ступеней совершенствования.

Самое поверхностное знакомство с практикой психологических опытов суфизма показывает, что он вобрал и адаптировал эффективные методы индивидуального и коллективного внушения. Эти методы определяют внутреннее содержание тайных, скрытых знаний всех суфийских братств.

Специфичность методов психосоматического воздействия заключается в использовании в качестве ведущего феномена — групповой индукции, в которой главными средствами религиозной коммуникации, к примеру в братстве мавлавийя, является музыка и танец. Установлено, что отдельные элементы мелодии и музыки вызывают психические и физиологические сдвиги в организме человека.

В суфийской психотехнике, включенной в хадарат, реализуемой на мюридах, можно выделить ряд очень важных компонентов. Первый — подготовка неопита, добровольно принявшего решение переиначить свою жизнь, и объяснение понятий, терминов суфизма,

мусульманской теологии и догматики, т. е. введение информации. Второй — процесс общения мюрида и учеников, создание религиозных образов и усиление религиозной внушаемости. Третий — формирование общности братства с помощью коллективных обрядов. Четвертый — поддержание и усиление религиозных образов с помощью двигательной экспрессии, дыхательных упражнений, мелодекламации.

Эта методика позволяет при продолжительном послушничестве сформировать у учеников глубокие медитативные способности, уменьшить порог чувствительности медитативных рецепторов и усилить религиозную суггестивность (внушаемость). Можно сказать, что проявление медитативного доминантного образа и продолжительность его во время ритуала подчинены параболическому закону. Чем дольше время и продолжительность мюридизма, тем ниже порог медитативных рецепторов мюридов.

Практика мистического просветления по сути является ничем иным, как вариативным набором различных психологических и психотерапевтических приемов, сведенных в единую религиозно-мистическую систему. Надо сказать, что ничего мистического в «рефлекторном» суфизме нет. Эта система включает: погружение в себя, фиксацию позы, контроль за дыханием, ритмические движения и изустное повторение религиозных формул. Подобная система позволяет производить направленное, однозначное, а главное строго контролируемое воздействие на личность.

Современная медицина и психотерапия широко использует такую методику суггестивного, гипнотического транса. Единственно, феноменология суфийской практики отличается удивительным и необычным полиморфизмом. Наши эксперименты подтверждают, что методика, используемая многими суфийскими братствами, позволяет воспроизводить практически любые психологические состояния, как имевшие место в жизненном опыте субъекта, так и гипотетически возможные. Здесь моделируются самые разнообразные превращения личности и иллюзии.

Опыт показывает, что в глубокой стадии суггестии субъект способен «видеть» себя и свои действия со стороны, возможны регрессии и профессии возраста, дезориентация во времени, когда экспериментируемый будет присутствовать на событии 500-летней давности или же «превращается» в царя, ангела, в кого-либо из известных людей. В состоянии глубокого транса возможно общение с мертвыми, вознесение на небо, общение с Богом, превращение атеиста в священника, а духовного лица в атеиста. Одним из критериев глубокого суггестивного состояния, вызываемого различными рациональными и религиозными методиками, является отсутствие чувствительности к логическим противоречиям. Речь идет о возможности глубокой трансформации самосознания. Доказано и то, что после выхода из такого состояния возможна реализация запрограммированных во внушении действий.

Надо иметь в виду, что психологические аспекты суфизма, как и других подобных систем во многом определяют характер социального поведения и стиль жизни своих последователей. Говорят, что политика чужда внутреннему духу суфизма. Возможно, братства могут оказывать влияние на политическое влияние «братьев» не только потому, что объединяют их под главенством наставника, шейха или устаза, а потому, что последние владеют душами этих людей. Истории известны факты, когда среди руководителей братств оказывались люди, которые рвались к власти, и слепое повиновение мюридов отвечало целям шейха, делая его главой фанатичных и запрограммированных сторонников. Самый значительный пример такого движения — братство сефевидов, основавшее в Иране сефевидскую династию. Подобным было движение дервишей под руководством шейха Нура Суфи, основавшего династию Караманоглу в Турции. Эвлия Челяби пишет и о последователях накшбан-ди, поднимавших дух воинов при осаде Константинополя. В XIX в. братства суфиев превратились в передний край антиколониального сопротивления в Дагестане и Чечне, Западном Судане, Марокко и Алжире.

Все это говорит о том, что суфизм, или «рефлекторный ислам», достаточно сложный и неоднозначный феномен. И только учет всех составляющих и, в первую очередь,

психологических аспектов позволит более полно и адекватно рассмотреть вопросы сравнительно-исторической и этносоциальной характеристики народов, исповедующих суфизм, определить их поведение в свете диалога культур Востока и Запада.

1.4. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДАГЕСТАНЕ

Начало проникновения православия в Дагестан связано с походом Петра I на Каспий и появлением русских военных гарнизонов в Дербенте, Буйнакске, Тарках и на Сулаке. Кавказский вопрос приобрел особое значение для России. Речь шла теперь об укреплении русского влияния в Закавказье и на берегах Каспия. В этом деле России могли быть весьма полезны вассальные земли, тем более, что было налицо растущее стремление к сближению с Россией. Переход приморского Дагестана под власть России вызвал в XVIII веке увеличение притока на Северный Кавказ переселенцев — русских, украинцев, армян, грузин. В 1723 году здесь обосновалось 500 семей донских казаков. Гребенские казаки заселили ряд «городов» по обоим берегам р. Терек. Помимо казаков, было поселено несколько тысяч крестьян Курского, Воронежского и Тамбовского наместничества. В 1785 году было учреждено Кавказское наместничество с центром в Екатеринграде. В буферной зоне, создаваемой царской властью, поселялись и старообрядцы (раскольники), общины поповцев, беспоповцев и беглопоповцев, преследуемых властью за непринятие церковных реформ, проводимых патриархом Никоном.

В 1735 году началось строительство крепости Кизляр. В последующие годы царское правительство продолжало настойчиво осуществлять на Кавказе свою завоевательную политику. К началу XIX века здесь возникла так называемая кавказская линия, представляющая собой цепь кордонных укреплений и казачьих станиц. В 1846 году для управления Дагестаном была введена должность военного губернатора с резиденцией в Дербенте.

Все эти процессы вызвали оживление русской православной церкви в регионе. В 1834 году было возведено укрепление Темир-Хан-Шура и расквартирован Апшеронский пехотный полк. В это же время начал функционировать, созданный еще Петром, Институт военного и морского духовенства, как централизованная организация, предназначенная для совершения обрядов и религиозно-нравственного воспитания военнослужащих в русских гарнизонах. В структуру Военного министерства входили обер-священник Главного штаба и обер-священник армии — позже — протопресвитер военного и морского духовенства. Они ведали духовенством и всей сетью постоянных церквей военных гарнизонов и походных церквей воинских частей и соединений, расквартированных в Дагестане.

Государство, выстраивая свои отношения с Православной церковью, рассматривало последнюю, как учреждение, выполняющее определенные функции, как инструмент идеологического влияния в регионе. Поэтому в 1860 году в Тифлисе царское правительство учредило специальную организацию — «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Наиболее активными деятелями этого общества были А.И. Бярятинский, митрополит Филарет и граф Блудов. Председателем общества в 1862 году был наместник на Кавказе Михаил Романов. Бярятинский писал, что «... со временем христианство обнимет собою все горы, и на необходимые для миссионерской деятельности. Под руководством Священного Синода в 1861 году были переведены на кавказские языки «Святое писание», «Святое Евангелие», «Литургия Иоанна Златоуста», и т. д. Кроме того, здесь начинается создание благочинных округов Русской православной церкви.

В 1905 году в Порт-Петровске начинается строительство нового кафедрального Свято-Успенского собора. В Хасавюрте строится Знаменский собор, в Кизляре — церковь святого великомученика Георгия Победеносца, которые не только занимали особое место в православном богослужении, но и стали памятниками православной храмовой культуры, воплотившими в себе христианские эстетические и символические нормы. Письменные и

документальные источники этого периода содержат ряд фактов, анализ которых позволяет отметить рост влияния в регионе православного духовенства.

К началу XX столетия приходы Русской православной церкви в Дагестане были частью церкви, занимавшей привилегированное положение, обладавшей огромным духовно-нравственным потенциалом и колоссальными финансовыми ресурсами. К 1917 г. в Дагестане действовало 22 православных прихода.

После победы социалистической революции религиозные организации Дагестана, в том числе и православные церкви, начали закрывать. В 30-х годах в Дагестане действовало 19 православных храмов. К началу 40-х годов все православные храмы Дагестана перестали действовать. В 60-70-х годах постепенно началось возрождение православия в республике. В 1986 г. в Дагестане функционировало 5 православных церквей — в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Кизляр, в Кизлярском районе.

Так, уже в 1990 г. в Дагестане действовали 11 приходов русской православной церкви (РПЦ), из них 3 церкви — в гг. Махачкале, Хасавюрте, Дербенте и 8 — молитвенных домов — в гг. Буйнакске, Каспийске, Кизляре, Избербаше, а также в ее. Тарумовка и Кочубей Тарумовского района и с. Крайновка Кизлярского района.

Несмотря на возрождение религии и православия, в частности, количество прихожан Русских Православных церквей республики стало заметно уменьшаться. На этот процесс значительное воздействие оказали миграционные и демографические процессы, происходившие во второй половине XX века. За последние годы доля русских существенно сократилась среди населения Кизляра, Каспийска, Махачкалы, Хасавюрта, Тарумовского и Кизлярского районов. Анализ миграционных потоков свидетельствует об опережающем оттоке русских из городов по сравнению с сельской местностью.

Если за 30 лет (1959–1988 гг.) численность русских сократилась на 22 %, то за последние 10 лет (1989–1999 гг.) — на 28 % и составляет лишь 5,6 % населения республики. Среди причин оттока русского и русскоязычного населения из Дагестана, кроме экономической, следует указать на следующие: существенное изменение этнокультурной среды дагестанского города, где интенсивный приток сельского населения привел к общему понижению урбанизированности дагестанского города; дезорганизация общественной жизни, активизация криминальных структур, ослабление законности, способности государственных органов обеспечить защиту элементарных гражданских прав; отсутствие у русского населения развитой системы родственных и иных патерналистских отношений, на которые можно было бы опереться в условиях развивающегося «правого вакуума»; не последнюю роль здесь сыграли очаги реальной и потенциальной напряженности в межнациональных отношениях в сопредельных с Дагестаном государствах и республиках; серьезной причиной стал и активный процесс исламизации Дагестана. Сложность состоит в том, что до сих пор не выработана единая методика установления согласованных взаимосвязей между отдельными элементами, реалиями, мотивами и темами вероисповедных форм, а также в отсутствии механизма обнаружения аутентичности их духовных программ.

Сейчас, несмотря на трудности, многие выехавшие русские граждане республики возвращаются, в частности в г. Кизляр. В праздничные дни можно наблюдать большое количество прихожан в православных церквях республики, около 250–300 человек, в обычные дни их бывает около 30–50 человек. Среди прихожан РПЦ наметился большой приток молодых людей — от 15 до 35 лет.

Постепенно началось и возрождение старых церквей, действующих еще до революции, так, например, до революции в с. Коктюбей действовал русский православный храм, который позже был уничтожен, сейчас русские жители села хотят восстановить его. Пока только арендовано старое помещение детского сада, в котором будет располагаться церковь. В г. Кизляре идет активная работа по восстановлению женского монастыря.

Идет строительство часовни Александра Невского в военной части г. Буйнакска, которое было начато по инициативе руководства части. Большую поддержку и помощь

православным приходам в деле восстановления и строительства новых храмов оказывает руководство республики, местные администрации и отдельные лица.

Сейчас в Республике Дагестан действуют 12 православных приходов. Они делятся на два благочиния (округа). Махачкалинское благочиние, в которое входят Свято-Успенский кафедральный собор г. Махачкалы, Каспийский храм Казанской Божьей Матери, Хасавюртовский храм Святого Знамени Божьей Матери, Дербентский Покровский храм и Серафимовский молитвенный дом г. Избербаша и строящаяся в военной части г. Буйнакска часовня Александра Невского. К Кизлярскому благочинию относятся — Кизлярский храм Святого Великомученика Георгия Победоносца, Кизлярская Никольская церковь, Никольский молитвенный дом с. Крайновка Кизлярского района, Никольская церковь с. Кочубей и церковь Святого апостола Андрея Первозванного с. Тарумовка Тарумовского района, строящийся молитвенный дом в с. Коктубей.

Все русские православные приходы Дагестана с декабря 1998 года вошли во вновь созданную Бакинскую и Прикаспийскую Епархию Русской Православной Церкви Московского Патриархата

1.5. ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИУДАИЗМА В ДАГЕСТАНЕ

Сегодня существуют разные точки зрения о том, когда и при каких обстоятельствах иудаизм проник в Дагестан. Некоторые исследователи (Новосельцев А.И. и др.) полагают, что иудаизм был принят на территории Дагестана в конце VIII в. татами и горскими евреями, владевшими землями Южного Дагестана и Северного Азербайджана. По мнению других исследователей, предки татов и горских евреев являются прямыми потомками древних обитателей Азербайджана — зороастрийцев, огнепоклонников, позже перешедших в иудаизм. Третья группа ученых считает, что иудаизм на Кавказ проник с потомками тех иудеев, которые в VI в. до н. э. были уведены в плен или рабство персидским царем Киром из рода Ахеменидов после завоевания Вавилонии и Иудеи. Они оказались потом в Персии, а далее на Кавказе. П. Услар сообщает, что среди дагестанских евреев существует предание о том, как их предки покинули Палестину еще до рождения Христа.

Четвертая версия заключается в том, что в начале III в. н. э. из Ирана династия Сасанидов, приступившая к завоеванию соседних областей Кавказа, переселила в качестве колонистов иранские племена иуда-истов из Мидии (Иран) в Азербайджан и Южный Дагестан. Они хотели закрыть так называемые Албанские ворота (Дербентский проход) и тем самым обезопасить свои владения с севера.

Известный дагестанский ученый-историк Р.М. Магомедов связывает происхождение здесь татов с просачиванием в Дагестан с севера ираноязычных племен, которые потом в период правления Сасанидов осели в разных районах Кавказа и приняли иудаизм.

И этот список различных версий можно было бы продолжить.

Вместе с тем, установлено, что проникновению иудаизма на Кавказ предшествовало несколько насильственных выселений иудеев в 70-е и 130-е годы н. э. римлянами, в последующие века — ахеменидами и сасанидами из Ирана. При этом, вероятно, наиболее крупное переселение иудеев на Кавказ произошло в 520–530 годы. Десятки тысяч человек были высланы и поселены на Восточном Кавказе и Апшероне после репрессий, проведенных сасанидами в эти годы на юге Ирана против мятежных маздакитов, учение которых пытались совместить идеи зороастризма, древнего гностицизма и иудаизма. Одновременно с мазда-китами на Восточный Кавказ были высланы и мятежные евреи, пытавшиеся создать на юге Ирана самостоятельное еврейское государство со столицей в городе Махуза. Общее число евреев и персов, переселенных Ануширваном Хосровом, достигало, по некоторым данным, 200 тысяч человек. Это утверждение опирается на сведения средневековых арабских авторов (ал-Белазури, ибн ал-Факиха), согласно которым Хосров заселил многие места на Кавказе евреями и персами-маздаки-тами. Последний факт подтверждают и

некоторые горско-еврейские предания.

В статье «Сказание о хазарской дани» Лев Гумилев писал: «Уцелевшие (от преследований сасанидов) маздакиты бежали на Кавказ и тогда на широкой равнине между Сулаком и Тереком появилась группа иудеев, соблюдавших субботу и обрезание, но забывших все прочие законы. Они мирно соседствовали с хазарами и ходили вместе с ними в походы».

Исторические условия, в которых приходилось существовать татам и горским евреям, обусловили особенности эволюции иудаизма в Дагестане. Здесь имеется в виду, прежде всего, слабо развитая склонность к традиции, основанной на Устной Торе. Исследователи пишут о том, что евреи-маздакиты, происходили из тех слоев, религиозные представления которых сочетали в себе элементы демонологии соседних семито — и персоязычных народов Месопотамии. К числу таких заимствований можно отнести представления о Дедей-Ол, Неней-Ол, Сер-Ови другие. У кавказских евреев есть обычай, когда в день смерти в память об умершем родственники и близкие покойного накрывают большие столы с разнообразными яствами и напитками и тратятся огромные средства на поминки. Отмечают хавти (семь дней) и чуля (тридцать дней), а затем сал (год) после смерти, но и каждую субботу стараются помянуть умершего.

Наиболее интересными, сточки зрения религиозного синкретизма, представляются ритуалы, связанные с обожествлением огня, верой в его очистительную силу, а также празднование начала весны — Шагме весал («весенний костер»). Речь идет о присутствии в воззрениях татов и горских евреев идей зороастризма.

В последующем, в течение веков, находясь в среде горских народов, таты и горские евреи восприняли и большинство местных традиций, обычаев, религиозных верований, нравов. В их религии было много горских обрядов, обычаев и праздников. Этот факт историки заметили еще 100 лет назад при изучении быта горских евреев в селах Мад-жалис, Янгикент, Тарки, Дургели, Эрпели, Араге, Жараге, Билдахи.

Достаточно любопытными являются и сообщения о взаимовлиянии иудейства и хазарских культов. Хазарский царь Иосиф рассказывает, что в Хазарию были приглашены еврейские ученые, которые разъясняли хазарским правителям Тору, Мишну и Талмуд. Важно отметить и то, что хазары приняли многие иудейские традиции: обрезание, соблюдение Субботы (шаббат), и празднование Суккот (Куша), Пасха (пейсах), Новый год (Рош Ашана), Судный день (Йом-Киппур), Симхат-Тора, Ханука, Пурим, Лаг-Баомер, Шавуот. Основателем династии иудейских царей в Хазарии был Обадий. Сохранились сведения и о том, что хазарский князь Булан приобрел предметы иудейского культа и начал строительство храмов. Эта версия появилась после публикации Букстор-фом (XVII) еврейско-хазарской переписки. Она связана с именем придворного Кордовского халифа еврея Хасдая ибн Шафрута. Заинтересованный дошедшими до него слухами о реальном существовании где-то на Востоке иудейского государства, Хасдай в середине X в. отправил царю этого государства письмо с многими вопросами. Среди них Хасдай просит сообщить о происхождении народа, о причинах и обстоятельствах принятия хазарами иудаизма и т. д.

Ответное послание царя Хазарского Иосифа начиналось с этнического представления своего народа, предками которого он называет род Тограмы. Далее сообщает, что принятие иудаизма хазарами произошло при Булане, который, удалив «гадателей» и «идолопоклонников», сумел убедить их в целесообразности иудаизма. Иосиф перечисляет 13 хазарских каганов, проповедовавших иудаизм: Булан, Обадий, Езикий, Манассия, Ханука, Исаак и т. д.

В конце XII века Хазарское государство на территории Дагестана перестало существовать, но иудаизм сохранился среди большой общины горских евреев и татов, проживавших и в прикаспийских городах, расположенных в равнинной части Дагестана. Средневековые источники говорят о приверженности горских евреев традициям своих предков патриархов. Согласно данным, приводимым И.Черным в статье «Горские евреи», в Прикаспийском крае жили известные талмудические толкователи. Нахум Гамадай

(Мидийский) жил в старой Шемахе и в Шир-ване, Симон Сафро (сафро — халдейское слово, означающее сочинитель) жил и работал в Дербенте. Сохранились достаточно любопытные данные о пергаментном Сейфертейре (древнееврейск. Пятикнижье Моисея) из синагоги кайтагских евреев.

В позднем средневековье множество иудеев проживало в горных аулах и селах с лезгинами, табасаранцами, азербайджанцами, даргинцами, кумыками и аварцами. Были также селения и аулы, целиком населенные татами-иудеями. Между жителями этих сел и аулов, в том числе между татами-иудеями и их соседями-мусульманами, существовали тесные добрососедские связи. По утверждению историка Т.Айтбе-рова, один из горских правителей, некий Айдар, придерживался одновременно трех монотеистических религий. По пятницам он молился с мусульманами, по субботам — с евреями, а по воскресеньям — с христианами. Вместе с тем исследователи отмечают ревностное отношение горских евреев к вере отцов. Благодаря деятельности раввинов, приглашавшихся крупными и состоятельными общинами из Ирана, горские евреи сумели сохранить причастность к раббанитской традиции.

Лишенные главного храма, бывшего центром национальной, культовой и духовной жизни и изгнанные со своей исторической родины сасанидами, иудаизм для диаспоры был гораздо большим, чем просто верование. Это очень сложное социальное и идеологическое явление, бесспорно, отражавшее настроения и чаяния изгнанного народа.

Не случайно ранние представления о кровном родстве между богом Яхве и людьми перешли в идею «берита» — завета или союза между народом Израиля и Яхве. Согласно пророчеству, Яхве заключил союз с древними патриархами — предками еврейского народа, при этом обе стороны взяли на себя определенные обязательства: Яхве обещал в будущем оказывать евреям всякую помощь и покровительство, патриархи обязались за все последующие поколения своих потомков поклоняться Яхве и быть ему верными (Второзаконие 4:23,7:12). Иудаизм — не только религия в обычном понимании этого слова, но и образ жизни, стиль поведения, мировоззрение. Коллективный характер отношения к божеству выразился в коллективной ответственности: за поступок одного должен был отвечать весь коллектив, прежде всего близкие родичи. Родители отвечают за грехи детей, дети — за грехи родителей — до третьего и четвертого рода. И только в этом случае бог сжалится над своим избранным народом, вернет его на родину и установит царство мира, правды и счастья, регулирующих жизнь иудейских общин в диаспоре. Тема возврата на «святую землю» — алия — приобретает в иудаизме особый смысл. Она тесно переплетена с идеей сионизма.

Сионистская деятельность в Дагестане началась сразу после первого сионистского конгресса, прошедшего в 1897 г. Важным фактором сионистской активности среди горских евреев явилась ее традиционная связь с раввинатом. Сионистское движение среди горских евреев возглавили местные раввины. Противоречия между раввинатом и сионистами, характерного для Восточной Европы, здесь почти не было. Горские евреи восприняли сионизм как естественное продолжение своих религиозных идей. Тогда же, на рубеже веков, в Дербенте и Темир-Хан-Шуре возникли первые горско-еврейские сионистские организации. В Темир-Хан-Шуре была создана сионистская организация им. Моше Монтефиоре, которую возглавил раввин Хизгил Мушаилов. В 1900 г., в Дербенте была создана сионистская организация «Бней Цион», в которую вошло 40 человек. Характерно, что своими задачами члены этой организации считали изучение Торы и иврита, а также сбор средств для помощи ишуву, то есть сионизм был воспринят ими как продолжение традиции. Недаром дербентские сионисты первым делом основали свою синагогу — «Шаарей Цион», а возглавили ее сыновья главного раввина Дербента Якова Ицхаки — Меир и Нафтали. Уже в 1901 г. 102 горско-еврейских семейства Северного Кавказа выступили в роли «шекеледателей». ЦК сионистского движения обратился к Шляпошникову с просьбой организовать прибытие на четвертый конгресс в Лондоне 3–4 представителей горских евреев. Два делегата — Мататьягу Богатырев из Грозного и Шломо Мордехаев из Аксая —

стали его участниками. На Сионистский съезд евреев Кавказа, который состоялся 20 августа 1901 г., в Тифлисе, прибыли 9 делегатов от горских евреев.

Новый импульс сионистской деятельности на Кавказе придали визит Герцля в Россию в 1903 г. и проведение в том же году шестого конгресса, делегатами которого снова были избраны Богатырев и Мордехаев. Активная сионистская деятельность пробудила первую сионистскую алию с Кавказа, которая продолжалась вплоть до первой мировой войны. В то время была приобретена земля под Рамле — несколько тысяч дунамов. Раввин Ицхаки пожелал поселить там горских евреев. И в 1907 г. большая группа евреев из Дербента во главе с раввином Яковом Ицхаки поселилась на этой земле, основав поселение Беэр-Яков. В 1919 г. в Баку состоялся третий Сионистский съезд Кавказа, где главным вопросом была массовая репатриация в связи с создавшейся в крае критической ситуацией.

На съезде сообщалось, что 12 тысяч человек, в основном горские евреи, готовы отправиться в Палестину. Но обстоятельства того смутного времени не позволили реализовать эту акцию. Да и положение в Эрец Исраэль было таково, что страна не готова была принять такое количество репатриантов, как по экономическим, так и по политическим причинам.

Сегодня в республике действуют лишь четыре синагоги и воскресная школа. Для сравнения, в 1869 году, по свидетельству И. Черного, в Южном Дагестане и Терской области проживало 1493 семьи, исповедовавших иудаизм, действовало 30 синагог и 39 синагогальных училищ, в которых служило 30 раввинов.

В период советской власти резко изменился уклад жизни татов и горских евреев. Они постепенно начали перемещаться в города. Последователи иудаизма в Дагестане стали жить в Махачкале, Буйнакске, Дербенте, Хасавюрте.

Здесь следует отметить, что в годы советской власти был допущен ряд грубых нарушений прав этой малочисленной дагестанской народности: закрыты газета, театр, радиовещание, прекращено преподавание родного языка, издание учебников, словарей, ликвидированы высокорентабельные колхозы. Открыто пропагандировалась политика татаизации.

Эти негативные явления вызывали у горских евреев чувство национальной ущемленности, ухудшения морально-политического климата, что привело к выезду основной их части из Дагестана в Израиль. Если анализировать сегодняшний период, то становится ясным, что на ослабление позиций иудаизма и современный отток евреев из Дагестана сильно влияют экономический кризис, политическая нестабильность, сложные межнациональные отношения на Кавказе, исламский экстремизм, военные действия в Чечне, тяжелая криминогенная обстановка и рост безработицы.

Анализируя религиозную жизнь евреев и татов, механизм действия иудаизма в современном Дагестане, надо заметить, что синагогам, раввинам, религиозному активу при всех стараниях не удалось сохранить и активизировать влияние их религии. В последние годы в синагогах заметно уменьшается количество верующих, исполнителей религиозных иудейских обрядов в домах, на кладбищах, в общественных местах; не проводится обучение молодежи основам иудейской религии.

Иудаизм в Республике Дагестан держится за счет горстки стариков, которые не в силах ежедневно посещать молитвенные собрания в синагогах. В религиозные общины мало поступает добровольных пожертвований; катастрофически уменьшается доход в синагогах.

В последнее время наметились перемены к лучшему. Происходит частичное развитие и подъем татской культуры. Возрождена республиканская газета «Ватан». Таты и горские евреи наравне со всеми другими народностями Дагестана используют свои права и участвуют в процессе обновления и реформирования страны. Несмотря на свою малочисленность, они пытаются внести достойный вклад в развитие дружбы народов Дагестана. С целью привлечения верующих в синагоги Дагестана созданы центры по отправлению ритуальных обрядов, изготовлению мацы, совершению похоронных обрядов. Синагоги теперь связаны с работой еврейских культурных центров. В отдельных городах

создаются неформальные религиозные группы, которые принимают на себя функции, свойственные официальным религиозным организациям. В ослаблении позиций иудаизма верующие евреи часто обвиняют отдельных представителей интеллигенции, духовенства, призывающих к «созданию нового народа на новой земле».

Анализ данной проблемы выявляет две этноконфессиональные модели еврейства: израильскую и дагестанскую. В этих моделях отношение к религии различно. Израильтяне включают иудаизм в свою модель, он — интегрированная часть израильской еврейской культуры, причем в достаточно специфической, тяготеющей к галохе (религиозное право) форме. В отличие от Дагестана в Израиле он предмет опеки и заботы государства, часть его структуры.

Надо еще раз подчеркнуть, что в Дагестане наблюдается поразительное в еврейской истории индифферентное отношение евреев и татов к иудаизму. В городах Буйнакске и Махачкале общины находятся на грани исчезновения вследствие физического старения своих членов. Сказывается и отсутствие подготовленных священнослужителей. Верующие недовольны уровнем образованности раввинов, их отношением к исполнению обрядов и своим обязанностям. Мы даже становимся свидетелями перехода заметного числа людей, осознающих себя евреями, татами по национальности, в другие конфессии, в частности в православие и ислам. Логика их достаточно проста: если я еврей по национальности, то какая разница, какую религию исповедую. Религия и народ необязательно связаны друг с другом. Еврейство, может быть, как и китаецство, начало осознавать себя единым народом, несмотря на реальную и культурную вариативность, где можно найти такие субэтнические образования, как ашкеназы, сефардские, эфиопские, горские, грузинские евреи, таты и т. д.

Сейчас еврейство живет в эпоху ломки старых этноконфессиональных представлений и формирования новых. Интересно то, что священниками в трех синагогах работают лица, исполняющие обязанности раввинов. Такое положение связано с сокращением числа грамотных служителей религии, уменьшением количества посещающих синагоги.

Это означает, что уже сегодня в Дагестане иудаизм полностью теряет свое былое влияние и уходит в прошлое. И если в среде оставшихся евреев в РД возобладают эмигрантские тенденции, а это вероятнее всего, то в течение ближайших десятилетий иудаизм в Дагестане может прекратить свое существование.

ГЛАВА II. О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

2.1. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ДАГЕСТАНЕ — СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Тревога и волнение, пожалуй, только этими словами можно передать те ощущения и переживания, возникающие сегодня в душах многих дагестанцев. И связаны они со все еще сохраняющейся опасностью проявления в республике религиозного экстремизма. Еще недавно мы полагали, что эти явления немислимы в нашей полиэтноконфессиональной республике, но жизнь опровергла самые смелые надежды. События лета 1999 года, едва не приведшие республику к гражданской войне, показали, что мы оказались перед лицом сложного и тревожного явления, получившего название — исламский экстремизм.

Так, что же представляет исламский экстремизм, где истоки и каковы его особенности? Являются ли реальной силой исламские экстремистские организации или это своего рода фикция и мистификация? Насколько высока возможность дальнейшего участия их в политической жизни республики, и самое главное, какова стратегия преодоления исламского экстремизма?

Надо сказать, что это достаточно трудные и неоднозначные вопросы. Поскольку проблема спроецирована, как в плоскость весьма сложного общественного феномена,

каковым является ислам, так и в плоскость социально-политического состояния современного дагестанского общества. Ведь речь идет о формах крайнего и непримиримого отрицания существующих общественных норм и правил, выражаемых в рамках мусульманской идеологии. Следует сказать и о том, что правомерность использования выражения «исламский экстремизм» признается не всеми. Поэтому, прежде всего, хочется предложить несколько критериев, которые дают возможность говорить, об «исламском» в экстремизме. Первый критерий — употребление в самоназвании субъекта экстремистских действий или воззрений тех понятий, которые имеют однозначные исламские коннотации. Речь идет о словах «ислам», «мусульмане», «исламский» и т. д. Второй критерий — соотнесенность характера деятельности данного субъекта с наследием исламской политической культуры, где самым заметным признаком является джихад. И третий критерий — признание того или иного субъекта экстремизма в качестве выразителя интересов мусульман — либо как всей глобальной общности, либо — как отдельных сообществ или групп.

В самом общем своем значении «исламский экстремизм» (от латинского *extremus* — крайний) несет смысл недопустимого и неприемлемого для большинства населения поведения мусульман. Именно неприемлемость и противоречие суждений, взглядов и действий, представителей некоторых исламских объединений принятым в Дагестане нормам и ценностям дает основание объявлять эти взгляды или действия экстремистскими. Следует оговориться, что данное определение несет в себе больше оценочный смысл. С точки зрения права, речь об исламском экстремизме может идти только в том случае, если суждения и действия верующих мусульман идут вразрез с действующими в стране конституцией и законодательством.

Для исламского экстремизма характерен ряд особенностей. В первую очередь, пренебрежение и презрение ко всем иным, кроме своих, точкам зрения. Изначальная позиция «кто не с нами, тот против нас» и, наконец, призыв к активной и агрессивной деятельности, включая насилие, ради утверждения своих конфессиональных или политических интересов.

Основоположителем, или «классиком», исламского экстремизма считается известный египетский идеолог Сайид Кутб (казнен в Египте в 1966 г.). Концепция политического устройства мусульманского общества, изложенная Сайидом Кутбом в книгах «Социальная справедливость в исламе», «Вехи на пути» и «Под сенью Корана», вобрала в себя основные идеи современного исламского экстремизма. Это — провозглашение современных обществ (в том числе — тех, где ислам объявлен государственной религией), впадшими в джахилию, в доисламский период, а своих соотечественников — вероотступниками, заслуживающими смертной казни. Здесь и способы установления идеального исламского общества через политическую борьбу и насилие. Сайид Кутб считал, что в «мнимых» мусульманских государствах, только насилием возможно установить истинно исламскую власть, которая станет инструментом преобразования общества в соответствии с исламской моделью. Логика его такова: сначала мы возьмем власть, а затем займемся социальной справедливостью в соответствии с шариатом.

Большой популярностью среди экстремистов пользуются и работы Ибн Таймийи и Муххамеда ибн Абд аль Ваххаба, выступавших против введения в ислам каких-либо новшеств. По их мнению, справедливое мусульманское правление должно заключаться в точном следовании «божественному установлению», зафиксированному в Коране и Сунне, то есть в источниках, которые сформировались в период средневековья.

Идеи, выдвинутые классиками исламского экстремизма, не отличались новизной и оригинальностью. Заметно, что они используют соответствующим образом интерпретированную большевистскую идеологию. Бросаются в глаза неожиданные для ислама рассуждения об обществе как конфликтном и противоречивом явлении и необходимости его насильственного переустройства.

Можно говорить о некоей примитивности этих теорий, упрощенности целостного мировоззрения. К ним хорошо подходит употребляемое советским психологом В.Леви

выражение «сужение сознания» — полное доминирование в системе ценностей узкого круга религиозных идей.

Первые исламские экстремистские группы стали разворачивать свою деятельность в начале 70-х годов. Это были группы «Братьев-мусульман». В апреле 1974 года группа «Муназзамат ат-тахрир аль-ислами» попыталась совершить в Египте государственный переворот. Многие из нас помнят факты, связанные с действиями экстремистов из групп «Боевого авангарда», «Исламского джихада», «Лиги защиты ислама», «Священная война», «Воинов Аллаха», «Хезболлаха» и т. д., которые пытались с помощью насилия прийти к справедливости в различных странах. Их принято называть НРПО — неправительственные религиозно-политические организации. Как правило, они действуют или подпольно, или из-за границы. Все они открыто противопоставляют себя государству и официальному исламу.

Еще одна особенность исламских экстремистских организаций — разветвленная международная сеть. Используя идеологию исламизма — массового (в некоторых странах) политического движения, стремящегося поставить процесс общественного развития в соответствие с нормами и догмами ислама, международные исламские экстремистские организации пытаются выйти на международную арену.

Объектом устремлений этих сил с недавних пор стали и мусульманские регионы бывшего Советского Союза. Используя все растущий здесь интерес к религии, пропагандисты исламского экстремизма начали успешное освоение новых территорий. В России, как и в Дагестане, с проявлениями исламского экстремизма мы столкнулись в конце 80-х. Тогда же мы услышали и о «политизации ислама». Вспоминаются слова основателя Национального Исламского Движения Афганистана (НИДА) шейха Мухаммеда Насима Махди, сказанные корреспонденту «Независимой газеты»: — «Ислам — политическая религия... Многие говорят, что политика должна быть отделена от религии. Для ислама это означает то же, что рассечение его мечом на несколько частей. Неполитический ислам — мертв и неподвижен».

В начале 90-х ислам в Дагестане все в большей степени стал превращаться в преимущественно политическую доктрину. На общественную жизнь Дагестана давление стали оказывать созданные, исламистами партии и движения «Джамиатул Муслимин» — лидер Х. Хасбулатов, «Исламская партия возрождения» лидер Сайтов А., движение «Аль Исламия» председатель Ахтаев Ахмед-кади и другие.

Религиозные партии выступали с собственными программами переустройства общества на принципах ислама. Все чаще стали слышны утверждения о том, что «Ислам решает все проблемы, стоящие не только перед мусульманами, но и перед всем миром, оптимальным образом учитывая интерес не только отдельных групп людей, не только мусульман, но и всего человечества, окружающей среды и будущих поколений». Своеобразным стимулятором активности мусульманских религиозных и политических деятелей стали парламентские выборы в декабре 1995 г., на участие в которых стали претендовать сразу два исламских объединения — Союз мусульман России (СМР) и движение «НУР».

Видимо, следует отметить, что политизация ислама в достаточно аморфном по своей структуре движении исламистов в Дагестане обнаружила две тенденции: традиционализма и радикализма. Данные нами названия, может быть, не совсем точно отражают эти течения, но, все же, позволяют ориентироваться в мозаике местного исламизма. Носителями традиционализма стали приверженцы возрождающих былое влияние многочисленных тарикатских братств и их шейхов. Они выступили за сохранение ислама таким, каким он сложился в Дагестане за многие века своего существования. Носители радикализма провозгласили в качестве цели восстановление в современной жизни мусульман Дагестана норм зарубежного ислама. Своей целью они считают не только очищение религии от более поздних местных наслоений, но и возрождение исламской морали и, в первую очередь, построение идеального исламского государства. Социальным идеалом выступает «образ

жизни», который может быть реализован только в исламском государстве. Отсюда, жесткие политические требования.

Многие исследователи выделяют в исламском радикализме умеренное крыло последователей кудалинского теоретика А. Ахтаева и экстремистское течение последователей Багаутдина Магомедова и Мух-тара Акаева, получившее название ваххабизма. Поначалу граница между ними была весьма неопределенной, но постепенно начали выкристаллизовываться две различные системы ориентации. А.Ахтаев настаивает на том, что мусульмане не могут быть сектантами. «Живя в этом обществе, — пишет он, — мы преобразовываем его исламским путем воспитания и образования...». Однако, радикалы не приняли этого тезиса. Они делают ставку на джихад против тех, кто не признает их учение.

Первые экстремистские группы стали разворачивать свою деятельность в городах Буйнакске, Махачкале и затем в Кизилюрте. 13 мая 1989 года в Буйнакске группа исламистов из Киргизии, Туркмении, Казахстана, республик Северного Кавказа провела так называемый съезд мусульман, где договорилась захватить Духовное Управление мусульман Северного Кавказа. Позднее они проявляют себя в селениях Агва-ли Цумадинского, Эрпели Буйнакского, Каякент Каякенского районов, селах Буйнакского, Гунибского районов и в городе Хасавюрте. Именно они стали инициаторами ряда несанкционированных митингов верующих на центральной площади г. Махачкалы.

Ваххабиты выпускают и бесплатно распространяют исламскую литературу, создают широкую сеть теле-радиоцентров, учебных заведений. Все это делается под благовидным предлогом возрождения ислама в республике. Представители ваххабизма категорически осуждают культ святых в исламе, совершение паломничества к мавзолеям святых, отрицают все четыре суннитских мазхаба, запрещают курить, пользоваться четками, выступают против мюридизма, суфизма в исламе, подвергают критике утвердившиеся в Дагестане похоронные обряды, раздачу садака, чтение Корана на кладбище.

Четко просматривались задачи по созданию на территории Дагестана исламской оппозиции, в задачу которой входили: подрыв авторитета и оттеснение тарикатских братств, просвещение молодежи через призму нетрадиционных для Дагестана мусульманских канонов, осуществление стремлений (через пропаганду единства исламского мира) строительства здесь исламского государства. Резкое неприятие этих помыслов получило со стороны традиционалистов, взявших к тому времени бразды правления в ДУМД в свои руки.

На почве непримиримых противоречий между ними возникают крупные столкновения: в 1994 году в Махачкале (около Исламского университета); в 1995 году — в с. Карамахи Буйнакского района, в г. Кизилюрте. Были уничтожены ваххабитское медресе в г. Кизилюрте и с. Карамахи Буйнакского района, разогнаны коллективы учителей из Саудовской Аравии. В 1995 году в ходе выяснения разногласий среди верующих в с. Верхнее Миатли Кизилюртовского района возникла массовая драка, где был убит один человек. Внутррелигиозный раскол наблюдался в селениях Агвали Цумадинского, Эрпели Буйнакского, Каякент Каякенского районов, селах Буйнакского, Гунибского районов, в городах. Ха-савюрте, Кизилюрте, Махачкале.

Очередное проявление экстремизма произошло в махачкалинской мечети неподалеку от остановки «Дачная». Здесь едва не сорвалась пятничная молитва из-за скандала, учиненного приезжими ваххабитами из Кизилюрта, Хасавюрта, Кизляра и т. д. Средства массовой информации того периода пестрят сообщениями о различных внутриконфесс-сиональных конфликтах. Многие газеты того периода писали: «Вооруженные столкновения религиозных противников», «Власти добились заключения перемирия», «Религиозные причины конфликта пока не устранены», «Ваххабиты готовы к бою» и т. д.

Напряженная общественно-политическая и религиозная ситуация сложилась в селениях Карамахи, Кадар, Чабанмахи, Ванашимахи и Чан-курбе Буйнакского района. 8 сентября 1996 г. в сел. Карамахи Буйнакского района между представителями противоборствующих религиозных течений произошло крупное столкновение. По сообщению пресс-службы МВД РД, в район противостояния были подтянуты дополнительные милицейские силы, ОМОН

МВД Дагестана. Обстановка разрядилась после разъяснительной работы администрации района, представителей МВД и ФСБ.

Экстремисты были непримиримы не только по отношению к суфийским школам (Сайда Чиркейского, Магомед-Амина Параульского и Арс-лан-Апи Гамзатова), но и стали выступать против многих традиционных похоронных, свадебных, молитвенных обрядов, требовали запретить мавлиды, зикры, установление высоких надгробных памятников.

Хроника событий тех лет показывает рост экстремистских выступлений исламистов. 12 мая 1997 г. в Буйнакском районе была спровоцирована массовая драка с применением оружия, которая продолжалась несколько часов. В ходе противостояния погибло 2 человека и 2 были ранены; организаторы, руководители групп обвиняли друг друга в религиозном сектантстве: ваххабизме и шейхизме. 14 мая 1997 г., прозвучали новые выстрелы и возобновилось групповое противостояние. Жители сел. Карамахи 15 мая 1997 г. провели общий сход-митинг джамаатов на котором приняли обращение к Госсовету и Правительству РД, где просили разоружить все местное население и запретить агрессивную секту «ваххабитов», назначать имамов мечети по представлениям населения этих сел. Аналогичное осуждение прозвучало 17–20 мая 1997 г. и на собраниях верующих гг. Махачкалы, Буйнакска, Хасавюрта, сел. Губден, Леваша, Ботлих, Акуша, Гумбет. Выступавшие критиковали МВД за то, что не разоружили вооруженные группы; органы власти — за то, что не приняли мер по ограничению распространения «ваххабизма» в Дагестане, а представителей Духовного Управления — за слабую разъяснительную работу среди мусульман.

Был очевиден серьезный внутриконфессиональный кризис. Мусульманское духовенство оказалось расколотым окончательно. Его конформистская, традиционалистская часть, упрочив свои позиции в ДУМД, все решительнее стала наступать на своих оппонентов. Оппозиционная ваххабитская часть все больше делала крен в сторону радикализации и экстремизма. Специфика внутримусульманского противостояния в Дагестане состояла в том, что она носит и прямой и опосредованный характер. Это направление усилий противостоящих течений на формирование о своем оппоненте негативного общественного мнения и апелляция к общественности, подчеркивание якобы имеющегося размывания коренных устоев дагестанского народа и его культурно-национальной самобытности. Очень частыми были попытки подавления своего оппонента с помощью государства, с привлечением известным образом ориентированного правительства. Многочисленные попытки найти компромисс между ними, примирить враждующие стороны, призвать к законности и порядку не увенчались успехом.

Манифестом исламского экстремизма в Дагестане стала книга М.Тагаева «Наша борьба, или повстанческая армия имама». Сценарий, написанный Тагаевым, не является плодом его абсурдных мечтаний. Достаточно отчетливо влияние идей создателя идеологии современного исламского экстремизма С.Кутба.

В целом логическая цепочка, выстраиваемая исламскими экстремистами в Дагестане, выглядела следующим образом. Цель, поставленная Аллахом перед человечеством, — создать и поддерживать на земле общество, построенное согласно ниспосланным законам. И любое общество, не основанное на шариате, противоестественно и совершает преступление против бога. При этом употребляется понятие «ха-кимийя». Его суть заключена в том, что «никто из сотворенных богом не может устанавливать иные законы, чем те, которые были установлены Аллахом». Это признание имеет далеко идущие цели, отрицающие любые формы правления, кроме мусульманской теократии. Какие-либо законы, кроме шариата, не имеют силы — подчиняться им не только не нужно, но и преступно. Теория общественно-политического устройства Дагестана у исламских экстремистов основывается на тотальном характере ислама, сфера деятельности шариата не может быть ничем ограничена. На уровне индивидуальных религиозных представлений, исламские экстремисты, декларируют полную свободу, ссылаясь на Коран: «Нет принуждения в вере» (2:256), при условии, что он будет подчиняться шариату. Однако, демагогичность подобного

заявления очевидна: какая может быть свобода выбора при полной несвободе, ограниченной шариатом. Идеалом политической системы видится имамат. «В Дагестане, — заявляют экстремисты, — высшим должностным лицом является Имам, избираемый всеми коренными народами на общедагестанском Курултае. Он является олицетворением государства, обладает высшей исполнительной властью...»

В стратегии и методах борьбы исламских экстремистов можно выделить три стадии. На начальной стадии основной акцент ставился на просветительской и благотворительной деятельности. На следующем этапе — создание организации и воспитание будущих моджахедов, обладающих военными навыками. «Среди видов и форм физической подготовки, — считает М.Тагаев, — необходимо выделить выносливость, ловкость... овладение огнестрельным и холодным оружием...» И третья — насильственная стадия, которая заключается в решительной борьбе за захват власти и установление исламского порядка. Все эти стадии поэтапно попытались воплотить в жизнь в Дагестане. Первые исламские призывы прозвучали в мусульманских газетах «Путь ислама», «Халиф», «Знамя ислама», «Шариат», «Исламская истина», с легкостью зарегистрированных. Создав незаконные вооруженные формирования, захватив власть в селениях Чабанмахи, экстремисты объявили здесь шариатское правление и отменили действие российских законов.

Нужно сказать, что произошедшие в Дагестане события явились результатом обострения социально-экономических проблем республики на фоне подрывной деятельности некоторых стран Персидского залива и прямым следствием неурегулированности чеченской проблемы. Если попытаться шире рассмотреть эту проблему, то можно обнаружить ряд разнопорядковых факторов: глубокие общественно-политические преобразования, отсутствие стабильности в обществе, углубляющееся имущественное и материально-финансовое неравенство, отток сельского населения в города и увеличение количества безработных, инфляция, отсутствие правовой защиты и т. д.

В ряду множества факторов, влиявших на дальнейшую политизацию ислама и развитие исламского экстремизма в Дагестане, нам хотелось обратить внимание и на следующий, на наш взгляд, немаловажный факт. «Перестройка» религиозной жизни в Дагестане по времени совпала с открытием в Москве посольств ряда арабских стран. Появление их миссий в России внесло существенные коррективы в тактику деятельности республиканских исламских организаций, центров и партий. С помощью отделов по делам ислама, открытых в ряде посольств, исламисты начали активно восстанавливать связи с зарубежными исламскими центрами. В республику стали завозить и бесплатно распространять десятки тысяч экземпляров Корана и религиозной литературы. Международные исламские организации начали подписание различных контрактов по строительству мечетей и исламских центров, организацию бесплатного паломничества, обучения за рубежом и многое другое. Создав базу единомышленников среди исламистов и пользуясь открытостью республики, посольства арабских стран стали привлекать для работы в Дагестане различные мусульманские фонды и организации. В Махачкале и в других городах открылись филиалы «Организации исламской солидарности», «Ахмед аль Дагестани», «Общество Шамиля», партии «Нахдат», «Джамиатул муслимин» и т. п. Именно эти организации должны были утвердить арабское влияние в республике. Миссионеры из Саудовской Аравии, Турции, Кувейта, Ливии, Албании, Великобритании, Малайзии, ОАЭ, Туниса, специальными рейсами стали прибывать в республику.

Среди приглашенных в Дагестан были известные люди исламского мира: муфтий Албании Хафис Сабрис Коджи, Шейх Мухаммед бен Насер Аль-Абуди из Саудовской Аравии, Махмуд Назым Адиль-шейх Киб-риса из Турции и др. Надо сказать, что их влекли в Дагестан не только памятники древнего Дербента и кладбище «Кырхлар» — сорока первых асхабов Пророка Мухаммеда, погибших за исламскую веру в Дагестане еще в VIII веке. Они ехали сюда со своими концепциями социально-экономического и политического устройства общества и находили поклонников среди дагестанских исламистов. Конечно же, было бы

наивно полагать, что экстремизм в Дагестане обусловлен лишь зарубежным влиянием. Здесь можно выделить целый комплекс проблем, обусловивших перерастание фундаментализма в экстремизм. Немаловажное значение имели процессы, происходившие в целом на Кавказе и в Чеченской республике, в частности. Превращение ислама в интегральную часть политической надстройки Чеченской республики, активное его участие в становлении и управлении республикой через созданные там муфтият, Совет Улемов и шариатские суды, серьезно подстегивали устремления дагестанских исламистов. Близость позиций определяли, возникающие в то время различные региональные религиозно-политические организации. В 1992 году в Грозном был создан Высший религиозный совет народов Кавказа во главе с шейх-уль-Гаджи Аллахшукюр Паша-заде. Были созданы и Управление мусульман Кавказа и Консультативный совет международного форума «Кавказский дом». Немаловажное значение имели происходившая ломка привычных социальных отношений, издержки становления капитализма и рынка.

Вместе с тем, основным каналом распространения ваххабизма на Кавказе являлась бесконтрольная долларовая экспансия, совершаемая ваххабитскими центрами и эмиссарами из Саудовской Аравии, Кувейта и других стран мусульманского мира. Свидетельство тому — секретное донесение службы контрразведки РФ, датированное ноябрем 1992 года: «Большую часть эмиссаров, финансируемых Исламской партией возрождения, составляют приверженцы ваххабитского толка ислама. В этом плане выделяются гражданин ОАЭ Сервах Абед Саах, организовавший в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах издание, пропагандирующее ваххабизм, а также руководитель филиала Международной исламской организации «Спасение» на Северном Кавказе и в Азербайджане гражданин Алжира Зарат Абдель Кадир».

По оперативным данным спецслужб, только ее филиалу в Дагестане Саудовской Аравией в текущем году выделено 17 млн. долларов. В республике эмиссары активно использовали структуры Махачкалинского исламского культурного центра. Серьезную активность в Дагестане проявляла и другая саудовская организация МИОС («Аль Игаса») и ее лидер некто Дагистани. По сведениям ФСБ РФ, Абдель-Хамид Джа-фар Дагистани возглавлял русский отдел «Аль Игаса» в Саудовской Аравии. Одновременно служил имамом мечети в Медине и с 1992 года выполнял на Северном Кавказе деликатные поручения одной из саудовских спецслужб. В 1994 году посольству Саудовской Аравии было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России.

Достаточную поддержку исламистам в Дагестане оказывает и Турция. Об этом наглядно свидетельствует разоблачение здесь турецкого агента Исхака Касапа. Исламские организации Турции, среди которых «Тюркен диянат Вакфи», большое значение придают обучению дагестанской молодежи. Министерство национального образования Турции ежегодно тратит на эти цели миллионы долларов.

Вместе с тем, мы вовсе не склонны преувеличивать, как это делают некоторые политологи, значение внешних факторов. Основные угрозы связаны с нашими внутренними факторами. Эти проблемы, скорее, российской «внутренней энтропии», усугубляемые недостатками, точнее, неотработанностью конструкции политической системы, выразившейся в коррумпированности высшего чиновничества и крупных политиков, бюрократизме, игре в демократию при выборах в различные представительные органы, зависимости судебной системы, сосредоточенности политической жизни на вопросах должностных назначений, казнокрадстве и взяточничестве. Это и проблемы демографии, безработицы, преступности и т. д. Это и сохранение значительной социальной напряженности, вызванной ослаблением социальных гарантий, существовавших раньше. При этом, следует учесть два существенных момента. Во-первых, все эти противоречия большинством воспринимались в форме «нравственного» кризиса, отождествляемого с упадком религиозной веры. Во-вторых, это ограничение и так ограниченной демократии, когда единственно возможным местом политической деятельности становится мечеть. Специфика политической ситуации в республике заключалась в том, что она оставляла

возможность выражения недовольства только через религию, через ислам. Существенным было и то, что в этой сложной ситуации Управлением по делам религии не было осуществлено оформление в каком-либо публичном и определенном виде целостной модели государственно-религиозной политики в республике. Не были прояснены ни тактические, ни стратегические цели в преодолении нарастающего экстремизма. Налицо было самоустранение этого органа от решения возникающих проблем.

Немаловажным здесь было своекорыстное и бесчестное заигрывание с исламом не верящих ни в бога ни в черта политиканов, которые не осознавали, что религия всегда связана с эгоистическим расчетом — пусть я пострадаю за веру, зато после смерти получу сполна. Вот эта сторона ислама делала его столь привлекательным рабскому сознанию тысяч людей, готовых взорвать весь мир, если им не удастся утвердить ислам. Ислам, как и столетия назад, все еще оказывается прибежищем для тех, кто штыком хочет утвердить свой порядок. И было бы стратегическим просчетом закрывать глаза на то, что всякая религия, в том числе и ислам, способна развиваться в самом страшном направлении, совершенно независимо от бесконечных заклинаний некоторых религиозных апологетов, неустанно повторяющих, что экстремизм и терроризм вне религии и вне ислама. В этом, на наш взгляд, предпосылки исламского экстремизма в Дагестане еще сохраняются.

Безусловным является и то, что идеология исламизма в Дагестане оказала серьезное влияние не только на формирование мировоззрения, ценностных ориентиров и убеждений большинства населения, но и на функционирование и структуризацию политических институтов. Этому способствует то, что в Дагестане религиозное выступает как символ национального. Постепенно этот процесс начинают рассматривать как «путь душевного спасения» и благополучия Дагестана. Многие видели в исламизме и в обращении к культурному наследию «золотого века» мусульманской общности (Уммы) и комплексу нравственных ценностей, предписанных шариатом, единственную возможность сохранения внутренней целостности и органического единства Дагестана. На самом деле, оказалось, что в ее основе лежат идеи установления идеального общества. Социальная справедливость, предлагаемая исламом, стала фундаментальной доктриной исламизма. Уже на первом этапе исламского возрождения появляется прослойка лидеров, выступающая за признание ислама государственной религией, а в перспективе — за создание исламского государства. Для этого, утверждают они, имеются основные условия. При этом доказывают, что преимущественно — население — избиратели исповедующие ислам, основная территория Дагестана заселена мусульманами, которые являются социальной базой всех политических организаций. Исламские организации носят ярко выраженный мобилизационный характер и в состоянии при необходимости контролировать ситуацию в республике.

Сложность реализации этих утопий заключалась в разных подходах. В основном ставки делались на просвещение и убеждение, на легальный, парламентский способ. Но возможным оказалось и создание условий для силового построения исламского общества. Экстремисты оказались сторонниками именно последнего варианта. Они предполагали сначала путем вооруженной войны захватить власть, а затем уже «сверху» осуществлять исламизацию общества. Очевидно, что этот путь не ведет к успеху. Основная причина — неадекватное восприятие экстремистами происходящего в стране и своего места в нем и неприемлемость идеологии исламского экстремизма для подавляющего большинства населения республики.

Сейчас Дагестан проходит кризисную фазу. Уже можно провести определенные аналогии и параллели с теми республиками, которые лишь недавно прошли эту стадию. Сегодня в республике резко возросли антиклерикальные, антиваххабитские и антиэкстремистские настроения. Одновременно наблюдается и некоторое снижение роста уровня религиозности населения. Однако самоуспокаиваться рано. В республике еще много людей, мыслящих категориями ислама, стремящихся найти посредством его теорий средства разрешения проблем, встающих перед обществом. Об это свидетельствуют результаты социологического опроса. На вопрос: «Должны ли религиозные организации участвовать в политической жизни республики?» 41 % опрошенных посчитал, что должны. Любопытны в

этом смысле и ответы на вопрос: «В каком государстве Вы хотели бы жить: в светском или в религиозном?. Лишь 50 % опрошенных заявили о желании жить в светском государстве, а 26 % — в теократическом (религиозном) государстве, и 24,1 % затруднились ответить.

Цифры говорят о том, что значительная часть дагестанцев симпатизирует исламизации государственной и общественной жизни. Ислам и исламские организации становятся частью политической системы.

Вместе с тем, по мнению исследователей, ни народы, ни правящие партии или круги, ни общество в целом сегодня не готовы жертвовать чем-либо ради субэтнической, панисламской общности, предлагаемой мусульманскими экстремистами. Это очень важное условие для того, чтобы сохранить светский характер государственности, объявив формулу — «религия — вера наших отцов».

При этом стратегия Правительства РД, на наш взгляд, должна исходить из необходимости деполитизации ислама. Республика не должна принимать ислам в качестве официальной идеологии и в своей практической и законотворческой политике не должна исходить из его предписаний. Исламские, как и другие религиозные организации, в соответствии с конституционным принципом отделения, не должны выполнять функции органов государственной власти и органов местного самоуправления. Они не должны участвовать в деятельности политических партий и выборах в органы государственной власти. Эти ограничения — важное условие бесконфликтного функционирования религии и обеспечения равноправия всех конфессий в Дагестане. Основная задача: как минимум, нейтрализовать религиозные партии и движения в их устремлениях к инициации бывших «союзнических» отношений с государством, когда религиозные организации служили прикрытием для деятельности различных спецслужб и КГБ, получая взамен всякого рода привилегии.

Весьма существенным является отход от иллюзий относительно безучастности государства к религиозной сфере. Оно должно вернуться к практике регулирования и контроля за деятельностью религиозных организаций и за религиозной ситуацией в целом. Совершенно недопустимо, чтобы государственную религиозоведческую экспертизу поручали экспертному совету Духовного Управления. Исламская система, как и другая религиозная система, является нормативной. Она всегда притязает на универсальность и праведность лишь своего вероучения, что делает чрезвычайно затрудненной ее объективную оценку иных религиозных организаций.

Недопустимо и то, чтобы обучение в религиозных образовательных учреждениях проводилось с разрешения религиозной организации. Разрешительная система — это прерогатива государства. Необходимо отойти от ситуации, когда взамен на лояльность к власти, религиозные организации получают те или иные государственные функции. Это очень удобно, чтобы подручные религиозные организации выполняли бы функции некоторых бездеятельных государственных органов, но в перспективе это только усугубит внутриконтрессиональный конфликт и увеличит сопротивление экстремистов, с одной стороны, и притязания религиозных организаций на власть, с другой. Уполномоченные органы должны предпринять срочные меры, чтобы сохранить в республике равноправие конфессий и соблюдение Конституции РФ и РД.

Достаточно очевидна и необходимость исследования социальных, политических и духовно-нравственных ориентиров исламского духовенства, определения характера связей религиозных организаций между собой и с внешним миром, со светскими властями и социальными и культурными структурами.

Информацию такого рода позволяют получить не апологетические изыскания представителей духовных управлений и религиозных партий, для которых религия «священное животное», табуированное для всякого постороннего глаза, а научные религиозоведческие исследования. Необходимость таких исследований заключается в том, что религия, реализующая свои функции в обществе и определяющая причины и мотивацию определенного типа поведения людей, здесь рассматривается как социальное явление.

2.2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ И ПОЛИТИКА ТЕРРОРА

Как совместить мораль и политику

В последние годы нам, живущим в Дагестане, пришлось пережить многое. Если можно так выразиться, и взлеты и падения. А ведь это были взлеты и падения наших надежд. И честно говоря, сегодня многие из нас затрудняются сказать, намного ли прежняя эпоха была хуже глухой, беспросветной, становящейся почти привычной теперешней безнадежности. Непреодолимое ощущение потери чего-то очень важного и значительного не покидает нас. Иногда кажется, что на протяжении последних лет мы переживаем период утраты больших возможностей. Не хочу пророчить беду и утверждать, что утеряно все, но нынешнее состояние и возможные перспективы дагестанского общества, при всем его внешнем и относительном благополучии, вызывают серьезную озабоченность.

И дело здесь вовсе не в тех радикальных реформах, предпринятых в нашей стране. Они, конечно же, давно назрели. Просто сегодня, кажется, можно сделать вывод о том, что мы, жители Дагестана, не были готовы к тем решительным переменам, ставшими вдруг реально возможными. Используя известное выражение, можно сказать, что реформы «застали нас со спущенными штанами», и весь мир стал показывать на нас пальцем. Примеров тому множество: введение шариата в Кадарской зоне, захват Дома правительства, угоны дагестанцами авиалайнеров, взрывы жилых домов в г. Махачкале, Каспийске, Буйнакске и так далее. Словом, для подрыва престижа республики сегодня уже не нужна чья-то злая воля или чьи-то особые усилия. Механизмы запущены и события из ряда названных находятся в состоянии дрейфа, временами всплывая, повинуясь их закулисным дирижерам или «отцам».

К таковым относятся запланированная то ли по недомыслию, то ли по злему умыслу последняя террористическая акция, которую трудно расценить иначе. Я имею в виду покушение на министра по национальной политике, информации и внешним связям республики М.-С. Гусаева. Известие, как гром, поразило родственников, коллег, друзей и всех тех, кому не безразлична личность М.-С. Гусаева и судьба Дагестана. От происшедшего мы, видимо, не оправимся еще долго. Обстоятельства этой трагедии получают свое освещение в средствах массовой информации. Но вопрос, почему один из самых заметных, уважаемых дагестанских политиков, высокообразованных и интеллигентных людей подвергся террору, будет беспокоить многих. За последнее время это второй случай террора в отношении высокопоставленных лиц республики. Покушения на Председателя НС РД М.Алиева и М.-С. Гусаева говорят о том, что мы своими реформами пришли к тому, что Запад пережил еще в конце XVIII — начале XIX века, во времена, описанные Диккенсом. Это означает, что по классической модели развития капитализма мы находимся в его ранней, наиболее криминальной и бесчеловечной фазе и выходим на орбиту, на которой вместо аргумента слова действует аргумент силы. Примеров тому множество. Стоит ли всех их перечислять?

Что же касается непосредственных причин происшедшего, то здесь много разноречивых версий. Некоторые представители правоохранительных органов говорят даже о некоей случайности террористического акта. Обозреватели республиканских СМИ больше говорят о ваххабитском следе. Конечно, сегодня очень удобно следовать версии, по которой все это — заговор международных террористов, заключивших союз с предателями интересов Дагестана. Однако многие аналитики и эксперты не разделяют версии международного терроризма, хотя можно вполне ясно объяснить, почему международный терроризм поддерживает тех, кто обрекает нашу республику на потрясения. Да, идеология радикального исламизма остается самой актуальной проблемой не только Кавказского региона, но и России в целом. Сторонники ваххабизма, получив отпор, перешли на конспиративный режим и представляют наибольшую угрозу обществу. То, что эта угроза реальна, говорят сводки МВД РД. Но это, пожалуй, не единственное объяснение покушения на министра. Дело здесь в другом, скорее, как нам кажется, в развернувшейся в республике

борьбе за информационное поле и создающие его средства массовой информации. Наверно, нет необходимости доказывать читателю то место и значение средств массовой информации в нашей жизни. Анализ процессов, происходящих в системе массовой коммуникации в республике, позволяет говорить о том, что СМИ представляют собой важный элемент социального управления.

За последние годы стало очевидным и это, наверно, неизбежно в современных условиях, когда относительно устойчивые группы интересов и сил, которые претендуют на власть, пытаются нащупать, а то и прямо захватить доступ к «рычагам» влияния на принятие политических решений в республике. Эти «рычаги» следует систематизировать по ряду признаков: финансовые ресурсы, административные ресурсы, законодательный потенциал и средства массовой информации. Трудно сказать, какой «рычаг» важнее, но ясно одно, что сегодня СМИ достаточно эффективно реализуют свою важнейшую функцию формирования общественного мнения, т. е. реализацию пропагандистского воздействия на массы. Это превращает работу средств массовой информации в механизм не только поддержки, отвечающей интересам той или иной политической группы, но и в механизм продвижения своих людей на важные посты институтов республиканской и районной власти. СМИ выступают в качестве инструмента борьбы на выборах в органы представительной власти.

Если иметь в виду предстоящие в 2002 году выборы Председателя Государственного Совета, то СМИ и государственный чиновник или политик, имеющий непосредственное отношение к этим СМИ, оказывается в самой гуще интересов различных политических сил республики. А их в республике достаточно.

Наиболее крупная и основная политическая сила — одна. Интересы и идеологии этой группы по главным декларируемым параметрам, можно сказать, формулируют: стабильность и единство РД в составе РФ, демократические ценности, веротерпимость и дистанцирование от религиозного экстремизма, рыночная экономика с элементами госрегулирования. Существенным моментом политики этой группы является отмечаемая исследователями ориентация на одного лидера. К этой силе негласно примыкают проправительственное объединение «Единство» и Коммунистическая партия, у которой организационный потенциал очень высок. Это единственная партия, имеющая фиксированное членство, структурные подразделения в 44 городах и районах, включающая в своих рядах около 10 тыс. человек. К ним же стараются примкнуть региональное отделение «Отечество», которое ведет работу по укреплению организационных структур, и многочисленные карликовые организации типа мононациональных движений, у которых иссякли ресурсы для рекрутирования собственных сторонников.

Сегодня мощная коалиция контролирует в основном политический спектр Дагестана.

Вместе с тем, в кажущейся, на первый взгляд, однополярной конструкции дагестанских политических групп существуют другие силы, аккумулирующие внутренние и внешние ресурсы для достижения определенных политических целей. По мнению многих политических экспертов, новые силы на дагестанской политической арене персонифицированы с так называемыми московскими политиками, которые способны мобилизовать финансовые и организационные ресурсы. Они активно вырабатывают собственные «рецепты для дагестанской политической кухни». Достаточно отчетливы также и попытки некоторых лидеров выработать под собственным патронажем наднациональные структуры из заинтересованных групп, а также других неорганизованных сил.

Акции по роспуску мононациональных движений, по мнению экспертов, направлены на создание своих центров политического притяжения с претензией на власть. Учитывая усилившиеся провокации, эти группы могут консолидировать силы в мощную группировку. Кроме того, в эту группу могут войти политики, которые растеряли свои политические ресурсы. Этот фактор потенциально может спутать устоявшийся баланс сил в Дагестане.

Серьезной политической силой в республике, способной склонить чашу весов в пользу любого претендента является и мусульманское духовенство. Это, по нашему мнению, связано не только с поиском населением опоры для самоидентификации, что является

закономерным и перманентным процессом в обществе, но и политической активностью клерикальных кругов. Наблюдаются стремления местных политиков мобилизовать потенциал духовенства, привлечь их в ряды своих сторонников, хотя некоторые эксперты настороженно относятся к такой поддержке, считая религию потенциально конфликтогенным фактором.

Можно порассуждать и о потенциальных возможностях на политической сцене подпольных ваххабитских объединений, пытающихся навязать политическим партиям, общественным движениям, оппозиции и даже действующей власти исламистские программы, идущие в разрез, прежде всего с демографическими реформами. Как бы то ни было, баланс всех этих сил определяют в основном параметры нынешней политической ситуации. Не секрет, что у этих групп свои сценарии развития политического процесса.

Характерной чертой, придающей живучесть и перспективность данным группам, является система рекрутирования сторонников из числа перспективных руководителей, депутатов, чиновников исполнительной власти, творческой интеллигенции и СМИ. При схожести платформ политических групп и сил на передний план выходит проблема рекрутирования сторонников. В складывающихся условиях главную роль станут играть те самые «рычаги».

Уже сегодня видно, что давление исламистов нарастает по всем направлениям, в том числе и на информационном поле. Последнее — очень существенный момент не только для осознания сегодняшних политтехнологий, но и для понимания трагических событий, связанных с министром по национальной политике, информации и внешним связям РД.

Анализ процессов, происходящих в системе массовой коммуникации в республике, позволяет говорить о том, что информационное пространство республики обнаруживает некоторую разноректорность. Зачастую это объясняется политической ангажированностью различных средств массовой информации. Учредителями наиболее влиятельных республиканских газет и телерадиокомпаний являются Госсовет, Народное Собрание и Правительство Республики Дагестан. Именно они, в основном, создавая информационную среду, всеохватно, публично и регулярно распространяют мнение и оценки, держат в курсе важнейших социально-политических событий, происходящих как в нашей республике, так и за ее пределами. Надо отметить, что в этом немалая заслуга Министерства по делам национальностей, информации и внешним связям республики, которое уделяет серьезное внимание государственным средствам массовой коммуникации.

Заметно и то, как религиозные институты быстро оформляются и как их различные «группы влияния» укрепляют свои позиции в политическом пространстве республики с помощью своих собственных СМИ — печатные издания, телевидение и интернет, пытающиеся воспроизвести иную информационную среду.

Все эти достаточно сложные процессы не исключают столкновения на информационном поле интересов различных коалиций, пытающихся через СМИ реализовать свои политические амбиции. Случившееся с министром — тому подтверждение. Какую-то политическую силу явно не устраивает позиция М.-С. Гусаева, тем более, что ее он не скрывает и открыто высказывает. Очевидно, борьба за влияние, как на операции с новостями, так и на общее информационное наполнение СМИ республики уже началась. Судя по всему, она будет беспощадной. И вряд ли в ней кто-нибудь вспомнит о морали, этике и нравственности.

Прошло вот уже более десяти лет с начала демократических преобразований в стране, но в строительстве демократии, пока кроме как декларирования и выдавания желаемого за действительное мы далеко не ушли. Это плохо, потому что в отсутствие демократии вакуум заполняется тем, что древние называли охлократией. Вместо открытой публичной политики общество обречено довольствоваться политикой террора.

2.3. ТРАГЕДИЯ В КАСПИЙСКЕ: ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Трагическое событие в Каспийске вновь всколыхнуло республику. Оно стало как бы очередным звеном в длинной цепи терактов последних лет. Покушения на главу столичной администрации, теракт в отношении министра Миннацинформвнешсвязи РД, покушения на Председателей Народного Собрания и Правительства республики, подрыв машин внутренних войск и солдат 102-й бригады МВД РФ, наконец, хладнокровное убийство мирных граждан на параде Победы в Каспийске говорят о том, что это не случайные явления. А до этого были введение шариата в Кадарской зоне, захват Дома правительства, угоны авиалайнеров, взрывы жилылам и исламизм совершенно разные явления. Исламизм — политическое движение, целью которого является «подчинение» процесса общественного и государственного развития нормам и догмам произвольно интерпретированного ислама. Использование этого термина связано с тем, что в самоназвании субъекта экстремистских действий или воззрений есть фразеология, которая имеет однозначную исламскую корреляцию. Речь идет о словах «ислам», «мусульмане», «исламский» и т. д. Следует помнить и о том, что апелляция к этой терминологии не приводит к сущностному единству социально-политических взглядов и концепций исламизма.

Внутренняя неоднозначность идейных источников, принадлежность к различным политическим силам определяют альтернативность политических взглядов, существующих в рамках исламизма множества различных, от умеренных до крайне радикальных, религиозно-политических организаций.

Использование исламской терминологии различными политическими движениями имеет давнюю историю. В течение многих столетий ислам был единственной социальной организацией, которую знали на Ближнем Востоке, и сейчас, в начале XXI века, он определяет общее мировоззрение и действия миллионов людей, их отношения, как со своими соплеменниками, так и с окружающим миром. Качественная новизна современного исламизма видится, прежде всего, в противодействии либерализму и в гораздо большей, чем прежде, наступательности, интернационализации и «трансграничности» — в том числе и для существующих в рамках исламизма экстремистских течений.

«Мы являемся свидетелями некоторой радикализации исламского мира, которая тревожит многих руководителей мусульманских стран и стран бывшего Советского Союза, — заявил Президент Российской Федерации Владимир Путин на пресс-конференции в Кремле. — Одна из метастаз этой радикализации проникла на Северный Кавказ».

Геополитическое и этноконфессиональное положение сделало Дагестан в конце 20-го столетия главной мишенью одного из радикальных течений исламизма — ваххабизма. Это означает, что республика столкнулась с тенденцией, которая на протяжении всего XX века определяла отвратительный образ терроризма на Ближнем Востоке.

Новый передел

Претензии исламистов на «новый передел» будут усиливаться и в связи с бурным ростом мусульманского населения и, соответственно, исламского цвета на религиозной карте мира. Уже сегодня из каждых 100 человек, населяющих Землю, 17 объявляют себя мусульманами.

Исламский мир активно «выплескивается» за свои пределы. Все с большей тревогой говорят об «исламском наступлении» на Европу, Америку, Россию. Стали слышны и словосочетания «исламская угроза». И то, что это не просто слова, говорят выход во второй

тур президентских выборов во Франции лидера ультраправых и победа правых радикалов в Голландии, провозгласивших лозунг «Европа для европейцев». Настороженность многих связана с тем, что мусульмане, оказавшись в зоне европейской цивилизации: в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Берлине или в Москве, не теряют себя в принявших их странах, а живут своим собственным миром, сохраняя религию, обычаи и образ жизни. Присущее всем мусульманам острое чувство принадлежности к единой умме зачастую превращает ислам в этих странах в живую общественную реальность, на которой прорастает исламизм.

Это связано с тем, что для народов мусульманского Востока религия является той силой, на которую сама жизнь возлагает обязательства по оказанию экономической и социальной помощи членам общества и военную защиту их от других племен. Члены религиозных общин называют себя братьями и ревниво следят за сохранением уз солидарности, которые их охраняют или противопоставляют другим общинам всякий раз, когда интересам религии его членов что-нибудь угрожает.

События, происходящие с начала 90-х годов на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, свидетельствуют о стремительном процессе исламизации и у нас. Оснований для таких выводов предостаточно. Из двух тысяч опрошенных в 2000 году 420 дагестанцев твердо заявили о том, что хотели жить в исламской республике.

Используя то, что ислам стал своего рода необходимостью, которая подчеркивает самобытность проживающих здесь народов, религиозные деятели активно участвуют в формировании этнокультурных и политических процессов в регионе. Множество различных религиозных движений, союзов, фондов и объединений пытаются определять политическую жизнь республик. Создание региональных исламских организаций типа Конгресса «Исламская нация», Конгресса народов Дагестана и Чечни, партии «Ассамблея народов Северного Кавказа, Исламская партия России связано не только с поиском населением опоры для самоидентификации, что является закономерным и перманентным процессом в обществе, но и активностью международных исламистских кругов, активно продвигающих идеи исламизма на Северном Кавказе. Уже сформировалась достаточно большая группа профессиональных политиков, весомо проповедующая религиозные ценности и отстаивающая в рамках этих ценностей свои политические интересы.

Все это укладывается в рамки международного процесса исламизма и является попыткой превратить ислам в политическую доктрину. Наблюдается открытое противопоставление исламской идеи идеям западной демократии, тем социально-политическим реформам, которые проводятся в нашей стране.

Яблоко раздора

Знаменитый ответ Эпикура на вопрос: «Как объяснить наличие в мире зла?» — приобретает сегодня в дагестанском обществе совершенно разные интерпретации. Разнятся здесь подходы к таким понятиям, как справедливость, правда, пределы насилия, цена человеческой жизни. Стоит оглянуться и мы обнаружим, что в нашей жизни в первое «десятилетие свободы» было очень много конфликтного. На эту тенденцию трудно не обратить внимание, — ведь условия для интегративных инициатив различных групп и общин были, как кажется, крайне благоприятны. Да и сами эти отношения в настоящее время на уровне институциональных структур, даже в рамках одной конфессии, развиты по-прежнему слабо и носят эпизодический характер. Нередко они инициированы органами государственной и местной власти.

Естественно возникает вопрос — почему? Ведь на первый взгляд, внутриконфессиональные отношения, да и отношения между различными конфессиями в республике не таят в себе каких-либо конфликтов. Впрочем, было бы упрощением полагать, что проблема религиозных контактов исчерпывается дилеммой: участия или неучастия в совместных проектах. Причина располагается гораздо глубже: на уровне культурологических срезов. Не все мусульмане Дагестана готовы принять сегодня в полной

мере действие шариатских норм. Для многих — это иная система запретов и ограничений, иное отношение к женщине, к власти, к демократии. Если в Саудовской Аравии или Нигерии забить человека камнями — часть правовой культуры, то для дагестанцев — это дикость. Для многих дагестанских мусульман многоженство — экзотика, для тех же арабов — норма.

Дистанцированность, которая существует между различными мировоззрениями и формирующимися вокруг них типами культур, не исчезнет, даже если совместных мусульманских инициатив будет великое множество. И в первую очередь потому, что ислам представляет собой мозаику различных направлений и учений. И каждая культивирует представления об абсолютной истинности и полном превосходстве своего религиозного учения над другими. А отсюда — убеждение радикалов, ваххабитов в неистинности, порой и вредности, всех других учений для духовной жизни дагестанцев.

С точки зрения религиоведения, в основе такого подхода лежит тот факт, что каждая религиозная община притязает на абсолютное и универсальное значение своего вероучения. Это придает исповедуемой этой общиной «истине» черты императивности и авторитарности. И чем тотальной и более всеобъемлющей представляется ее система убеждений, тем сильнее сужаются ее коммуникативные возможности. И для любой политической партии, общественного движения, базирующих свои цели на религиозной идее, интеграция с другими политическими игроками оказывается затрудненной. Неспособность к диалогу, и пониманию, и признанию права других на истину очень часто выливается в нетерпимость, экстремизм и терроризм. Пример тому — провозглашение ваххабитами «свободных» исламских территорий, покушения на представителей официального духовенства, государственных деятелей, убийство мирных граждан и т. д.

Кто они — террористы?

События 9 мая в Каспийске еще раз заставляют нас задуматься о том, кто же эти террористы, что движет человеком, который становится членом террористической организации, чего он этим добивается? На ум сразу приходит привычное: бандит, убийца, маньяк. Кое-кто назовет их безумцами. Да это так, по данным исследователей, в террористических организациях обычно велик процент агрессивных параноидов. Их члены склонны к возложению ответственности за неудачи на обстоятельства и поиск внешних факторов для объяснения собственной неадекватности. Но это лишь некоторый процент. Большинство же из них будучи, несомненно, преступниками и убийцами, не являются безумцами.

Есть основания полагать, что личностные черты террористов во многом определяются принадлежностью к экстремистскому религиозному культу и принятием его нормативной системы. Это полностью согласуется с выводами многих исследователей, которые показали, что для большинства радикальных религиозных организаций характерно формирование образа общего врага, которого можно обвинить во всех внутренних проблемах религиозной общины. Таким врагом может быть сатана, правительство, другие конфессии. Можно говорить об определенном фанатичном религиозном эгоизме, воспитанном на идее врага. Возможно, в нем кроется объяснение того, почему те, кто себя называет ваххабитами, могут совершать ужасные акты насилия столь хладнокровно, предумышленно и расчетливо.

Черeda терактов в нашей республике демонстрирует собой «идейный терроризм», где заказчиками и исполнителями были люди, связанные с сепаратистами и религиозными экстремистами. Справедливо отмечает в своем докладе председатель Госсовета РД М. Магомедов, что совершенный в Каспийске теракт мы расцениваем как продолжение войны, объявленной нам с момента взрыва в Каспийске в 1996 году. Это не месть, а целенаправленное уничтожение всего, что противостоит их богу и не соответствует их вере. Мир для фанатиков распадается на своих и врагов, черное и белое, правильное и неправильное — никаких оттенков, неясности, сомнений. Подобная логика побуждает террористов к нанесению ударов по врагу, кто бы им ни считался. Они считают себя

правыми, поскольку их убеждения, их вера позволяет им совершать любые преступления в отношении своих врагов.

С современной (европейской) точки зрения — это ужасный анахронизм, средневековое варварство. Многим из нас казалось, что XXI век — это уже не то время, когда уместны священные войны, «крестовые походы», «шахиды». Но это нам так кажется. Мы называем террористов «маньяками», а их поведение вполне осмысленно и вполне укладывается в их каноны и в их интерпретацию веры.

Фанатичный террорист, скорее всего даже не помышляет о таких вещах, как человеческая жизнь, свобода, права человека, демократия. Для него они приобретают совершенно иное осмысление. Там, где мы видим государство с современной экономикой, свободой, равенством, терпимостью, он видит безбожие, разврат, плутократию и пьянство.

Некоторые аналитики видят корень проблемы в неравномерности распределения мировых благ и богатства. И полагают, что если бы мы были «помягче», «подобрее», то ваххабиты и другие религиозные экстремисты, возможно, были бы более склонны к переговорам и сотрудничеству. Важно и это. Может быть, стоило бы чаще вспоминать о недавних десятилетиях притеснений и преследований, которые не могли не спровоцировать ненависть и насилие? Но надо иметь в виду и другое, что исламистские радикалы совершенно не озабочены тем, чтобы получить свой кусок пирога современной цивилизации. Действия талибов в Афганистане — яркое тому подтверждение. Если говорить предельно откровенно, то их не устраивает современная цивилизация как таковая. К тому же большинство из них не разделяют убеждения, что экономический прогресс может улучшить жизнь людей.

Сегодня приверженцы европейской модели настойчиво предлагают свои рецепты развития общества. Но желают ли исламисты принять и присоединиться к европейским ценностям и моделям? Судя по всему — нет. У них иное понимание порядка и иная процедура поддержания согласия. Они спокойно уживаются лишь при авторитарной теократии и откровенно диктаторских режимах. Традиционная европейская модель демократии оказывается для них несостоятельной.

Следовательно нам, вопреки идеалам «взаимопроникающего мира», придуманного политологами, предстоит жить на резко прочерченном стыке различных устремлений. Каким будет этот край в XXI веке? Таким, каким мы его определили в своей Конституции или таким, каким пытаются установить фанатичные бомбисты религиозно-политических организаций, предсказать трудно.

Ясно лишь одно, что последовательная региональная политика России заметно пошатнула исламистские притязания на Северном Кавказе. Действия радикалов — экстремистов приобретают явно панический характер. Задача общественности и правоохранительных органов, призванных решать эти сложные проблемы, прогнозировать подобные вылазки и эффективно им противодействовать.

2.4. ТЕРРОРИЗМ: ЦЕЛЬ УТОПИЧНА, УГРОЗА РЕАЛЬНА

(интервью газете «Новое дело» от 31 мая 2002 г.)

События 9 Мая в Каспийске вновь и вновь возвращают нас к вопросам: что же собой представляет современный терроризм, где истоки и каковы его мотивы; являются ли реальной силой исламские террористические организации или это своего рода фикция и мистификация; насколько высока возможность дальнейшего участия исламистов в политической жизни; смогут ли действия российской и местной власти покончить с терроризмом в нашей республике? На эти и другие вопросы мы попросили ответить директора института религиоведения, доктора философских наук Курбанова Г.М.

— Можно ли предположить, что происшедшее в Каспийске имеет под собой

какую-либо идейную подоплеку (такие мнения раздаются), то есть продолжается реализация идеи свержения светской власти в Дагестане, объявленной еще в июле 1997 года на собрании алимов в центральной Джума-мечети Махачкалы?

— Анализ террористических актов, совершенных в республике в последние годы, все больше убеждает нас в том, что мы имеем дело не со случайными событиями. Происходящее, скорее, свидетельствует о том, что республика оказалась перед лицом сложного и тревожного явления, которое можно обозначить как «идейный терроризм», где заказчиками и исполнителями выступают лица, связанные с сепаратистами и религиозными экстремистами. Вы спросите: какова же здесь главная идея? Это создание исламского государства.

Концептуальные тезисы этой идеи были изложены в книгах некоего М. Тагаева «Наша борьба, или повстанческая армия имама», изданной в том же 1997 году, и «Газават, или как стать бессмертным». Сценарий, описываемый Тагаевым, не является плодом его абсурдных мечтаний и при определенных, очень нежелательных для нас, политических условиях может начать реализовываться — события 1999 года тому подтверждение. К счастью, та попытка исламистов провалилась. Однако все дело в том, что этот провал не означает, что и впредь за исламское государство не будут бороться, что эта борьба не может быть возобновлена и те люди, которые действительно мечтают о создании исламского государства в Дагестане, сошли со сцены. Нет, они не ушли, несмотря на внутреннее, я бы сказал, «саморазмыывание» достаточно мощного в начале 90-х годов движения клерикалов. Те, кто встал на позиции экстремизма, еще достаточно сильны и борются за свою идею будут, наверняка, еще долго.

— То есть, взрыв на параде в Каспийске можно расценить как частный эпизод более серьезной проблемы, получившей название исламизм? Так ли это?

— Думаю, что это так. Мы должны осознавать, что взрыв 9 Мая в Каспийске, как бы это кощунственно ни звучало, лишь «театрализованный» эпизод утопической идеи построения «справедливого» исламского государства. И удар направлен не против тех, кто на самом деле пострадал, а против местной и региональной власти. То есть, у этой угрозы есть конкретный адресат. Если вы помните, проект создания исламского государства на территории Чечни и Дагестана провалился, в первую очередь, потому, что дагестанское руководство не приняло идеи исламизации, не последовало дудаевскому варианту и при всеобщей суверенизации решительно отмежевалось от идей сепаратизма.

С другой стороны, сегодня исламисты борются против всех сразу. Это дает основание многим аналитикам говорить об «исламской дуге», «исламской угрозе» и «экспансионизме ислама». Тут, конечно, следует разделять ислам и исламизм. Если говорить об исламизме, то трудно сосчитать общее количество террористических организаций, так или иначе эксплуатирующих в своих лозунгах исламскую фразеологию. Некоторые авторы называют его джихадизмом. И это не только и не столько диверсанты-одиночки и угонщики самолетов, это мощные структуры с соответствующим оснащением, способные вести, в числе прочего, диверсионно-партизанскую войну и даже участвовать в масштабных локальных и региональных конфликтах. Это связано, с одной стороны, с общими процессами роста международного взаимодействия. С другой, здесь сказывается то, что исламизм превратился в крайне выгодный бизнес уже не местного, а глобального масштаба. И в этом отношении, я бы так сказал, исламизм — угроза цивилизационная.

— Теракт 9 Мая в Каспийске еще и еще раз заставляет задуматься над тем, что же движет террористом. Просто ли он бандит или параноик, ищущий причины собственных неудач во внешних факторах? К примеру, в инструкции, найденной в багаже руководителя группы террористов, атаковавших небоскребы Нью-Йорка, Моххамата Атты, говорилось, что «идя на правое дело, ты вступаешь в счастливую и вечную жизнь».

— Попытки представить образ террориста какой-нибудь религиозно-политической организации сразу воскрешают в памяти облик террориста номер один Бен Ладена; перед нами предстает человек с Кораном в одной руке и автоматом Калашникова в другой. При этом надо иметь в виду то, что Бен Ладен, неоднократно фотографировавшийся таким

образом, просто подражал своему учителю, идеологу терроризма Эль Бохри, который впервые появился перед фотообъективом с Кораном и автоматом в руках. Автор нашумевшей книги «Не убий», послужившей оправданием и объяснением тысячам чудовищных преступлений, сделал терроризм логическим выводом своих политических построений. Иноверцев не исправишь, утверждает Бохри, единственный способ спасти души американцев и европейцев — убить их, раз и навсегда освободив таким образом от пристрастия к приятным ядам и приятным болезням. Такова идеология терроризма. Так воспитываются шахиды. Иными словами, последователь Бохри ощущает себя не жестоким убийцей, а, скорее, врачом, который причиняет боль с благой целью. Возможно, в нем кроется объяснение тому, почему те, кто себя называют ваххабитами, совершают против мирных граждан, детей и стариков ужасные акты насилия столь хладнокровно и расчетливо.

Кроме того, существует, очевидно, определенный набор личностных черт, которыми должны обладать террористы. В террористических организациях обычно велик процент и агрессивных параноиков. Их члены склонны к экстернализации, возложению ответственности за неудачи на обстоятельства и поиск внешних факторов для объяснения собственной неудовлетворенности. Есть основания полагать, что эти черты во многом связаны с серьезными изменениями личности человека, вовлеченного в подпольную, экстремистскую, религиозную группировку с принятием ее нормативной системы.

— А может, не стоит забывать и о том, что еще одной причиной зла — терроризма и экстремизма — является наша общая неспособность к диалогу и признанию права других иметь свою точку зрения?

— Конечно, попытка объяснить причины терроризма в Дагестане одной лишь зарубежной пропагандой или психологическими мотивами была бы неверной. Признавая очевидную роль внешнего фактора в распространении фундаменталистских идей на Северном Кавказе, все же следует подчеркнуть, что этот процесс отражает, прежде всего, глубинные социокультурные сдвиги внутри местных обществ. Очень часто мы переоцениваем международный фактор. У нас ведь как любят говорить: сначала появился Хаттаб, а уже потом — все остальное. Я думаю, что ситуация складывалась несколько иначе. Все-таки самая главная причина — это социальный протест, это недовольство и уже потом накладывается религия. Обычно членами террористических организаций становятся люди, которые по тем или иным причинам испытывали трудности в рамках существующих социальных норм.

Если говорить более определенно, то социально-экономический кризис 90-х годов способствовал росту в республике безработицы, коррупции и преступности, что привело к появлению широкого слоя деклассированных элементов. Особенно угрожающий размах процесс принял в Дагестане во время первой чеченской войны, которая практически выключила республику из российского экономического и правового пространства. Для определенной части маргинализованного населения присоединение к вооруженным группировкам полевых командиров стало наиболее простым и доступным способом заработать на жизнь.

Есть среди них и те, кто хотел реализовать личные амбиции. Это такие представители радикальной дагестанской оппозиции, как редактор газеты «Путь ислама» Адалло Алиев, давний диссидент-националист Магомед Тагаев, ваххабит Багаутдин Магомедов и т. д. Единственный выход и возможность самореализации они видели в исламском государстве. Хотели ли они диалога? Думаю, что нет. Как объяснить фанатикам, что их точка зрения не приемлема большинству населения Дагестана? Тут возникает серьезная проблема.

Как разобраться, особенно на начальном этапе, в человеке, который сидит и мечтает об исламском государстве, я бы сказал, таким духовным фундаменталистом, и он же, но уже завтра, когда ему надоело вот так вот ждать, берет автомат и бежит по горам? Как сделать так, чтобы таких людей, которые говорят об исламском государстве и верят в эту утопию, не сталкивать в вооруженное противостояние?

— Может быть, стоит дать им возможность реализовать себя через легальные

политические организации типа «Конгресс народов Чечни и Дагестана» или «Исламская партия России»?

— Все, наверное, должно определяться тем, какие цели и задачи провозглашает подобная партия. Для нас же очевидно одно: эти партии через поддерживающих их религиозных деятелей попытаются политизировать ислам и получают весомый и непоколебимый аргумент в защиту своего права «агитировать» мусульман. А подобная пропаганда ведь не заканчивается тем, что вписали в свою программу ряд известных идеологических формул типа мусульманская культура, исламская самобытность, традиции, джихад и т. д. В пропагандистской деятельности эти идеологические сентенции спокойно перерастают в фанатичную веру спасения и возрождения Дагестана только с помощью шариата и сунны. С этой точки зрения религия и политика — вещи несовместимые.

— В последнее время очень часто раздаются голоса тех, кто требует отмены моратория на смертную казнь в РФ для террористов. Представлен в Госдуму закон об экстремизме. Как вы относитесь к этим заявлениям и шагам?

— На сегодня, насколько мне известно, в уголовном законодательстве России отсутствует статья об экстремизме и на практике многие трактуют этот термин как синоним «терроризма» и даже «фундаментализма». Очевидно, что необходим подобный закон. Террористы — лица, нарушающие соответствующие статьи законодательства (пусть даже под религиозной символикой), должны нести уголовную ответственность в полном объеме. В равной мере это должно относиться к лицам, чья деятельность направлена на разжигание межрелигиозной вражды, в том числе через насаждение в обществе каких-то радикальных взглядов. Что же касается смертной казни, формула «око за око, зуб за зуб» не всегда дает ожидаемые результаты. Еще менее эффективна она в отношении религиозных фанатиков, для которых «священная» смерть является выбором. Требуя введение смертной казни, отсечения руки, публичных расстрелов, мы подсознательно следуем логике террористов и показываем свою слабость.

— Что сегодня необходимо противопоставить тому, чтобы Дагестан не превратился в форпост терроризма? Решение каких проблем вы здесь считаете наиболее приоритетными?

— Надо, наверняка, исходить из того, что корни исламского радикализма, корни социального протеста не привносимы извне, они растут здесь: на Северном Кавказе, в Дагестане. Удастся реально стабилизировать экономическую ситуацию, обеспечить социальные гарантии, защитить права человека независимо от того, богат он или беден — удастся и лишить терроризм питающей его почвы. Это, так сказать, стратегические задачи. Что же касается ближайшей тактики, то следует, видимо, осознать, что власть и, в первую очередь, правоохранительные органы несут главную ответственность за противодействие терроризму, и именно они должны предпринимать необходимые меры по защите общества и граждан.

Полагаю, что правоохранительным органам следует прекратить беспомощное нытье по поводу поиска и анализа истоков, корней, социальных причин и тех или иных идейных оснований терроризма. Это дело аналитиков и политиков. Одними пресс-конференциями терроризм побороть невозможно.

Граждане вправе требовать от правоохранительных органов приложения максимальных усилий для того, чтобы дела по терроризму дошли до суда и были вынесены законные приговоры; принятия жестких мер наказания в отношении спонсоров терроризма, которые предоставляют террористам безопасное убежище, взрывчатые вещества, деньги, а также моральную и иную поддержку. При этом борьба с терроризмом не должна ни в коей мере ограничивать или ущемлять интересы и законные права законопослушных граждан. Государство должно решительно пресекать попытки скатывания республики в полицейское общество, когда под видом борьбы с терроризмом милиция производит повальные обыски, досмотр автотранспорта, при этом реально охраняя лишь государственных чиновников.

Опыт многих стран показывает, что власть (или государство), не способная отстаивать эти принципы, рискует надолго оказаться заложницей терроризма.

ГЛАВА III. О МЕЖДУНАРОДНОМ ТЕРРОРИЗМЕ

3.1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ — ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С ужасом миллионы людей смотрели 11 сентября транслируемые мировыми информационными агентствами видеосъемки того, как самолеты авиакомпании United Airlines, захваченные террористами-камикадзе, таранили небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Мы стали свидетелями варварского, бесчеловечного убийства тысяч невинных людей. В это трудно верилось и все казалось, что нам демонстрируют кадры фильма ужасов, но это была ужасающая реальность.

Произошедшее в Америке многие окрестили апокалипсисом. Порой, в самом деле, кажется, что человечество движется к своей гибели. Ведь до Нью-Йорка были трагедии в Москве, Волгодонске, Буйнакске, не прекращаются террористические акты и во многих других странах. На пороге XXI века мир столкнулся с глобальной опасностью, имя которой — международный терроризм.

Истоки международного терроризма

Где истоки этого зла? Чего добиваются террористы? Какова стратегия противодействия терроризму? На эти вопросы очень трудно найти ответ. Известно лишь то, что террор как метод решения возникающих политических и идеологических проблем имеет достаточно древнюю историю. Человек столкнулся с террором еще в эпоху ранних цивилизаций. И с тех пор череда заказных убийств, покушений, мятежей, заговоров и переворотов составляет многие страницы человеческой истории. Потому вряд ли мы сегодня докопаемся до его истоков. Неизменным остается лишь то, что, как и раньше, во все времена, жертвами террора становятся случайные, невинные люди, волею рока оказавшиеся не в том месте и не в то время. Единственное различие лишь в том, что только в наше время террор был признан международной опасностью для человечества, причем, не только потому, что сегодня он оказался способен поставить под угрозу устойчивость развития целых государств, но и в силу его безбрежного географического распространения.

В современном мире трудно найти регион, обитатели которого могли бы похвастаться, что кровавая тень террора их никогда не накроет. Латинская Америка, Индия, Косово, Индонезия, Филиппины, территория Китая и республики Центральной Азии, Содружество независимых государств (СНГ), Европа, едва ли не большинство арабских стран и Черная Африка. Только в 1998 году террористы убили 741 человека и ранили 5952, в 1999 году от террористических актов в мире пострадало около 1000 человек: 233 убитых и 706 раненых. В статистику не вошли взрывы жилых домов в российских городах. Четыре взрыва в России привели к гибели 271 человека. Общее количество терактов в 1999 году возросло на 43 %: в 1998 году совершено 274 теракта, в 1999 — 392. Тенденция эта наблюдалась во всех регионах. При этом в некоторых из них террор продолжается десятилетиями.

За тридцать лет террористической войны (1969–1999) Ирландской Республиканской Армии в Соединенном Королевстве погиб 3401 человек. Точно такая же ситуация и в Испании, где экстремисты баскской организации ЭТА ведут настоящую войну — и против государства и против граждан.

Все эти события последнего времени, в том числе и на Северном Кавказе, их неоднозначная подчас оценка Мировым сообществом, некоторыми региональными силами, заставляют еще более пристально взглянуть на проблему международного терроризма.

Показательно, что все «долгоиграющие» террористические конфликты принципиально похожи. Террористы своими взрывами, нападениями, актами в отношении представителей

власти стремятся добиться решения политических проблем. Принципиальной целью в такой террористической войне является дестабилизация общества. Убийства, взрывы и другие акты террора «раскачивают лодку», при этом их не особенно заботят горе и беды собственного народа. Террористы умело пользуются как внутренними противоречиями страны, так и иностранной помощью. Последнее замечание весьма существенно, поскольку сегодня мы имеем дело с феноменом интернационализации терроризма.

Терроризм сегодня — это не только и не столько диверсанты-одиночки и угонщики самолетов, это мощные структуры с соответствующим оснащением, способные вести диверсионно-партизанскую войну и даже участвовать в масштабных (по времени, географическому охвату, вовлекаемым силам) локальных и региональных конфликтах. Это связано, с одной стороны, с общими процессами роста международного взаимодействия в различных сферах, с другой, здесь сказывается то, что терроризм превратился в крайне выгодный бизнес уже глобального масштаба, в особый «узаконенный» вид деятельности с развитым «рынком труда и приложения капитала». Общий «бюджет терроризма» в мире сегодня составляет, по разным оценкам, от 5 до 20 млрд. долл. в год. На «черный» экспорт вооружений приходится более 1/10 мирового экспорта оружия. Например, в ходе войн на территории бывшей СФРЮ хорватским, мусульманским, албанским силам, в основном нелегально, поставлялось вооружение на сумму не менее 2 млрд. долл. в год. Широко налажено взаимодействие различных террористических организаций в снабжении вооружениями и спецсредствами. Многократно возросла оснащенность террористов самыми современными средствами, включая информационные

В настоящее время активно действует множество террористических образований и поддерживающих их организаций, в том числе и пользующихся прямым и косвенным государственным покровительством. Между различными террористическими организациями налажены тесные связи, имеющие под собой идеологические, военно-политические, религиозные и другие основы.

Религиозный фактор и терроризм на Ближнем Востоке

Серьезно расширилась в последнее время база международного терроризма, прикрывающего свои действия религиозным фактором. Рост религиозно-этнических террористических организаций происходит за счет поддержки со стороны маргинальных режимов и ряда религиозно-этнических общин, в основном из стран третьего мира. Возможно поэтому, сегодня в литературе устоялись термины «исламский терроризм», «протестантские террористы», «сикхские или индуистские экстремисты» и т. д. Тут следует оговориться, что речь идет о группировках, террористические действия которых обосновываются той или иной религиозной идеологией. Особенности религиозно-этнических террористических организаций обусловлены, прежде всего, их религиозной составляющей. Это отражается на индивидуальной мотивации членов террористических групп, чей фанатизм позволяет предпринимать самоубийственные акции, на которые редко решаются не религиозно мотивированные террористы. Наиболее яркие примеры — шахиды или палестинские террористы-смертники.

Статистика говорит о том, что наибольшее количество террористических групп сегодня базируется свою стратегию на идеях панисламизма. И это не голословное утверждение. Сообщения о том, что террористы, обрушившие самолеты на Нью-Йорк и Вашингтон, — выходцы из Египта и Саудовской Аравии, еще раз подтверждают это.

О месте, которое экстремизм и террор занимают в общественно-политической жизни мусульманского Востока, говорят цифры и факты, коих великое множество. Так, Египет в течение последнего десятилетия ведет настоящую войну с террористами. Здесь было арестовано и приговорено к длительным срокам заключения несколько тысяч фундаменталистов и «сочувствующих», не менее сотни были казнены. Террористы из группировки «аль Джихад» убили президента Садата в 1981 году и пытались убить

нынешнего президента Хосни Мубарака в 1995. Наиболее известные фигуры среди египетских террористов — шейх Аб-дель-рахман Омар и Айман Аль-Завахири. Завахири заочно приговорен к смертной казни в Египте за организацию убийства президента Садата. Шейх Омар осужден в Америке на пожизненное заключение за взрыв во Всемирном торговом центре в 1993 году.

Что касается Саудовской Аравии, то отношение правительства этой страны к терроризму кажется двойственным. С одной стороны, власти декларируют, что серьезно воспринимают угрозу терроризма. На деле же они, кажется, не верят, что опасность грозит самому исламскому королевству. Когда США вынесли заочный приговор по делу о взрыве в Дахране, обвинив в организации теракта (тогда погибло 19 американских солдат, сотни были ранены) группировку под названием «Саудовская Хезболла», власти Аравии заявили, что подобной группировки не существует. Заочный приговор был вынесен 13 саудовцам, однако власти королевства недвусмысленно заявили, что не выдадут Штатам никого из своих граждан до тех пор, пока не будут представлены «убедительные доказательства» их вины. Саудовская Аравия, похоже, считает, что фундаментальный ислам — это исключительно внутренняя проблема. Саудовская Аравия — одна из трех стран мира, официально признавшая режим талибов; две других — Эмираты, тесно связанные с Аравией династийными узами, и Пакистан.

«Исламский интернационал» Усама бен Ладена

В Саудовской Аравии происходило становление наиболее одиозного террориста Усама бен Ладена, провозгласившего ислам — идеологией международного терроризма. Бывший саудовский гражданин, отказавшийся от подданства после того, как король разрешил присутствие американских войск в стране, происходит из семьи йеменских крестьян, перебравшихся в Саудовскую Аравию в годы нефтяного бума. Усама был 17 из 53 детей ныне покойного Мухаммеда бен Ладена, создавшего в 1931 году компанию «Сауди бен Ладен». Сегодня компания располагает капиталом в 5 млрд. долл. Мировоззрение «террориста № 1» сформировалось в университете в Джидде под руководством шейха Абдулла Аззама. Усама бен Ладен выступил в феврале 1998 г. в одном из пакистанских городов на пресс-конференции, в которой участвовали также Айман аз-Завахири, один из руководителей египетской организации «Священная война» (Аль-Джихад, Аль-Гихад), Рифаи Ахмад Таха, лидер египетской «Исламской группы» (Аль-Джамаа аль-ислямийя) Мунир Хамза, секретарь Ассоциации пакистанских улемов (Джамиат-уль-Улема-е Пакистан), Фадль-ар-Рахман Халиль, глава «Движения ансаров» (Харкат-уль-ансар, Пакистан), Абд-ас-Салям Мухаммад Хан, глава движения «Священная война» (Джихад) в Бангладеш и заявил о создании «Всемирного исламского фронта борьбы против иудеев и крестоносцев». Главная заявленная цель фронта — ведение джихада против Соединенных Штатов, Израиля и иудеев в любой точке земного шара. И вот 7 августа 1998 г. практически одновременно в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания) осуществлены ужасные по результатам, направленно «слепые» (имевшие целью — дипломатические представительства США, но приведшие к гибели многих случайных людей) террористические акты: 257 убитых, 5000 раненых.

Речь идет и в самом деле о создании «исламского интернационала». Роль главного международного центра этого интернационала занимает Афганистан. В политике талибов, пытающихся реализовать идеалы «чистого исламского государства», очень трудно отделить компоненты, соответствующие нормам международного права и принципам поведения, от компонентов, прямо или косвенно попадающих под понятие международного терроризма. Афганистан стал источником вдохновения, образцом для подражания и одновременно курсом повышения квалификации для экстремистов и террористов из многих стран мира. По оценкам экспертов, за последние годы там обучалось от 50 до 70 тысяч боевиков из 55 государств. Талибы позволяют действовать на контролируемой ими территории большому

числу зарубежных группировок и организаций, в том числе и печально знаменитой «Аль-Каиде» (что в переводе с арабского значит «Основа»), созданной и возглавляемой международным террористом номер один Усамой бен Ладеном. Ряд экспертов США уже связывают с деятельностью возглавляемой Усамой бен Ладеном «Аль-Каиды» как минимум десяток громких терактов. Напомним лишь некоторые из них.

12 октября 2000 года в порту Адена (Йемен) подорван эсминец ВМС США «Коул». К его борту во время дозаправки приблизился небольшой катер и взорвался. В результате один из самых современных боевых кораблей получил пробоину и едва не пошел ко дну. Погибли 17 американских моряков, еще 40 получили ранения. За расследование обстоятельств теракта взялись совместно правоохранительные органы Йемена и специалисты из ФБР. Основной подозреваемый — Джамаль аль-Бадауи — сообщил в январе йеменцам, что «ему дали понять, что приказы отдавал бен Ладен». У американцев, возможно, есть и дополнительные данные. Еще в конце декабря один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ сообщил, что взрыв «Коула» был организован членом «Аль-Каиды» Мухаммадом Омаром аль-Харрази — создателем первого филиала этой организации в Саудовской Аравии. Четверых обвиняемых в совершении этих терактов сейчас судят в федеральном окружном суде Манхэттена в Нью-Йорке. Согласно обвинению, все они работали на «Аль-Каиду».

Кроме того, США рассматривают вопрос о причастности «Аль-Каиды» к еще трем неудавшимся терактам. В мае 2000 года группа йеменцев предприняла попытку взорвать американский эсминец «Сулливанс», заправлявшийся в порту Адена. Но нагруженная взрывчаткой лодка затонула в нескольких милях от берега.

А накануне наступления нового тысячелетия «Аль-Каида» планировала устроить целую серию терактов в Иордании — взорвать гостиницу «Рэдиссон» в Аммане и еще несколько туристических центров в Ха-шимитском Королевстве. Группа Усамы бен Ладена также предпринимала попытки совершить теракты, направленные против Израиля.

Усама бен Ладен содержит в Афганистане, как минимум, десяток центров, где учат обращаться с оружием и взрывными устройствами. В его лагерях овладели наукой убивать около 5 тысяч добровольцев. Выпускников афганских лагерей — иностранцев, участвовавших в боевых действиях в Афганистане на стороне талибов и попавших в плен к военному лидеру противостоящего талибам Северного альянса Ахмад Шаху Масуду, удалось опросить американскому эксперту Джулии Сире. Собеседниками Джулии оказались пакистанцы, выходцы из бирманской провинции Акаран, йеменцы и китайские уйгуры, некий Мехрабан — выходец из Чаги, что находится в пакистанской провинции Белуджистан. Карьеру террориста он начал со вступления в «Харкат уль-муджа-хиддин» — пакистанскую религиозно-экстремистскую организацию, ставящую перед собой задачу отделить Кашмир от Индии. Абдул Джалиль из Синцзянь-Уйгурского автономного округа Китая признался, что, несмотря на плен, все равно рад тому, что пришел воевать в Афганистан. «Я до сих пор хочу создать во всем мире исламское государство, да поможет Аллах», — говорит он. После своего освобождения он намерен отправиться в Китай, чтобы там вести священную войну.

Кавказский треугольник

Дуга исламского интернационала коснулась и нашей страны. Щупальцы зловещей империи Усамы бен Ладена потянулись и на Северный Кавказ. В Чечне афганские моджахеды и арабские ветераны террора появились вскоре после распада СССР. Уже в августе 1995 года стало известно о том, что на стороне мятежного генерала Джохара Дудаева сражаются выходцы из других стран, желающие оказать помощь «братскому мусульманскому народу Ичкерии». Посильное участие в этом принял и Усама бен Ладен, с которым наладили связь люди Шамиля Басаева и Хаттаба.

По сообщениям пресс-службы Министерства обороны России, к апрелю 1999 года в лагерях на территории Афганистана проходили подготовку около 500 исламских экстремистов из Чечни, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана. Кроме того, бен

Ладен наладил каналы переправки в Чечню оружия. Так, в октябре 1999 года, по данным российских спецслужб, чеченские боевики получили от талибов «подарок» — 4 ракетных комплекса «Стингер». По данным независимого арабского телеканала «Аль-Джазира», Усама пообещал оказать давление на талибов, с тем чтобы завербовать и обучить дополнительное количество боевиков как из числа собственно талибов, так и граждан СНГ, снабдить их оружием и организовать их отправку в Чечню.

Связанные с международными террористическими организациями исламисты пытались организовать снабжение чеченцев оружием и финансами через территории Азербайджана и Грузии. Так, в мае 2000 года появились сообщения о том, что на одном из таможенных терминалов Грузии хранится часть военного груза, посланного талибами в Чечню, а именно ракеты С-3 и С-8.

При поддержке террористической сети бен Ладена в конце января 2000 года в Кабуле состоялась церемония открытия «посольства Чеченской Исламской Республики Ичкерия в Исламском Эмирате Афганистан».

Оба незаконных режима незадолго до этого признали друг друга, причем независимость Чечни так и не была официально признана никем, кроме таких же международно непризнанных талибов. Чеченцы в долгу не остались. В октябре 1999 года в Афганистане в руки военного лидера Северного альянса Ахмад Шаха Масуда попали несколько иностранцев, воевавших на стороне талибов. В их числе, кроме привычных уже пакистанцев, оказались четверо чеченцев. В Кундузе и близ Мазари-Шарифа был создан лагерь — специально для лиц из кавказских и среднеазиатских республик. Там же, по сообщениям некоторых представителей противостоящего талибам Северного альянса, вырос уже целый чеченский городок из сотен семей, которые обзавелись хозяйством и собирались обосноваться там надолго.

В феврале 2000 года движение Талибан на весь мусульманский мир объявило «джихад» России, чтобы заставить ее прекратить антитеррористическую операцию в Чечне. Оно призвало правительства всех мусульманских стран не препятствовать правоверным принимать участие в войне на Кавказе, а также разорвать дипотношения с Россией. В августе 2000 года военный инструктор «Аль-Каиды» в Нангангаре, некто

Абу Дауд, признал, что в мае в Чечню действительно был направлен «сводный отряд» из 400 боевиков. По его словам, за полтора года организацией бен Ладена отправлены на Северный Кавказ сотни арабов и афганцев.

Стратегия противодействия международному терроризму

Проблема международного терроризма выходит далеко за пределы так называемой исламской дуги. Печально сознавать, что современный «передел мира» повышает роль терроризма как инструмента политики даже у вполне уважаемых государств. Десятки так называемых ближневосточных активистов, которые обвиняются в собственных странах в террористической деятельности, скрываются на Западе, активно поддерживая там террористов, стремящихся силой свергнуть прозападные правительства в ближневосточных государствах.

По некоторым данным, по крайней мере правительства 9 стран требуют от Лондона выдачи находящихся на свободе на Британских островах террористов. С такими официальными запросами к Британским властям обратились, в частности, Индия, Египет, Турция, Тунис, Афганистан, Алжир, Иордания и Шри-Ланка. Российское правительство также неоднократно выражало протест по поводу того, что находящиеся в Великобритании экстремистские исламские группировки занимаются вербовкой боевиков для отправки их в Чечню.

Как сообщалось ранее, Российская сторона, в том числе и на высоком уровне, обращала внимание официального Лондона на то, что на Британской территории находятся различные группы, связанные и оказывающие поддержку чеченским террористам. Однако эти группы

не вошли в обнародованный в феврале текущего года дополнительный список запрещенных организаций, которые подпадают под действие нового британского закона о борьбе с терроризмом. По сведениям «Тайме», в 2001 году в Великобритании были арестованы 16 человек, которые, как предполагается, связаны с международным террористом Усамой бен Ладеном. Один из них — Халид аль-Фавваз, по некоторым данным, приобрел спутниковый телефон, по которому отдавались приказы террористам во время террористических акций против посольств США в Танзании и Кении. Террористы, совершившие атаки на небоскребы в Нью-Йорке, достаточно длительное время жили в Германии. Лица, объявленные в розыск Интерполом за террористическую деятельность в России, уютно себя чувствуют в Турции и в ряде арабских стран. Таких примеров множество.

Что же делать? Следует осознать, что власть несет главную ответственность за противодействие терроризму, и она должна инициировать необходимые меры по защите общества. Но и общественности следует прекратить беспомощное нытье по поводу правильных и неправильных террористов и тех или иных идейных оснований терроризма. Конфликтологи рекомендуют руководствоваться следующими постулатами: никакой капитуляции перед террористами вне зависимости, являются они красными или белыми, христианами или мусульманами; никаких сделок с террористами, никаких уступок, даже перед лицом серьезнейшей угрозы или шантажа; должны быть приложены максимальные усилия для того, чтобы дела, по обвинению террористов, дошли до суда и был вынесен законный приговор; должны быть приняты жесткие меры наказания в отношении государств-спонсоров терроризма, которые предоставляют террористическим движениям безопасное убежище, взрывчатые вещества, деньги, а также моральную и дипломатическую поддержку; государство должно решительно пресекать попытки террористов использовать информационное поле, блокировать или подрывать международные дипломатические усилия по разрешению политических кризисов. Опыт показывает, что власть или государство, не способное отстаивать эти принципы, рискует само оказаться заложницей терроризма.

Терроризм стал главной угрозой миру и стабильности и его подавление должно стать общим делом всего международного сообщества, и только в этом случае мы сможем избежать повторения трагедий Нью-Йорка, Москвы и Буйнакска.

3.2. ОБ «ИНТЕРЕСАХ» САУДОВСКОЙ АРАВИИ НА КАВКАЗЕ

Процессы, происходящие сейчас на Северном Кавказе, далеки от того, чтобы их можно было бы однозначно оценивать. В этом сходятся многие отечественные и зарубежные исследователи, аналитики и журналисты. Исключение составляют, пожалуй, радикально настроенные представители исламских организаций и некоторой части людей, оказавшихся, в силу известных причин за пределами Российской Федерации. К ним примыкают выразители интересов традиционных антироссийских политических течений в самой России.

Доводы, приводимые рядом политиков в защиту ваххабизма и са-лафизма, не новы и не являются оригинальными. Более того, попытки обелить действия некоторых кругов Саудовской Аравии на Кавказе, считая, что любые конфликты на религиозной основе лежат за пределами интересов саудитов, выглядят, по крайней мере, не убедительно и еще раз подтверждают то, что силы, заинтересованные в развале России, в отходе от нее северокавказских республик, все еще существуют, и не только на Кавказе.

Попробуем прояснить это. Мало кто сегодня не знает, что Саудовская Аравия — родина основателя мусульманской религии Мухаммеда и то, что в 1927 г. Ибн Сауд, родоначальник династии Саудитов, был объявлен на Всеимусульманском конгрессе в Мекке хранителем общемусульманских святынь в Мекке и Медине. Именно эту связь королевство стремится максимально использовать в своей внешней политике для укрепления своих позиций в мусульманском мире и на арабском Востоке. Исламская идеология занимает прочное место во всей системе государственного устройства Саудовской Аравии.

Укреплению позиций Саудовской Аравии в немалой степени способствует и щедрая

финансовая помощь другим странам. Только за период с 1981 по 1983 год Саудовская Аравия безвозмездно выделила на нужды мусульманских стран 1 млрд. долл. Саудовская Аравия — инициатор создания в 1969 году Организации Исламская конференция. Саудовская Аравия в 81–83 гг. предоставила 25 странам — членам Организации Исламская конференция кредиты на льготных условиях около 1,5 млрд. долл. Регулярны и взносы Саудовской Аравии в фонд Организации освобождения Палестины — 85,5 млн долл.

Приведенные факты имеют отношение, в первую очередь, к экономической сфере. Но имеются многочисленные факты, свидетельствующие и о прямой поддержке Саудовской Аравией исламских организаций, курс которых совпадает с политикой Саудовской Аравии. Используя идеологию исламизма — массового (в некоторых странах) политического движения, стремящегося поставить процесс общественного развития в соответствие с нормами и догмами ислама, саудовские организации, уже достаточно давно активно действуют на международной арене. Мухаммед Хейкал, автор книги «Истории начала и конца режима Садата» пишет о прямом поощрении в свое время Саудовской Аравией религиозного экстремизма в Египте. В 1972 году в Джидде на конференции министров иностранных дел государств — членов ОИК было принято решение о создании фонда священной войны против Израиля. С 1980 года Саудовская Аравия активно действовала против Демократической Республики Афганистан, используя лозунги защиты устоев религии. В 1987 году в Турции разразился скандал: оказалось, что Саудовская Аравия выплачивала содержание слугам турецких мечетей.

Известна и деятельность королевской семьи, направленная против бывшего Советского Союза. Еще в 1971 году король Саудовской Аравии Фейсал (убит в 1975 г.) предложил тогдашнему ректору университета шейху Аль — Азхара Абд-аль Халиму 100 млн долл. для поддержания университетом антисоветизма.

В 1978 г. в Каире при активном участии Саудовской Аравии была создана международная организация свободы и печати, официальная цель которой — борьба с атеизмом в Советском Союзе. В руководство этой организации вошло несколько саудовских принцев. Организация выделила на борьбу с атеистическими доктринами 500 млн. долл. Замахнувшись на создание исламской модели миропорядка, Саудовская Аравия стала инициатором создания постоянно действующего Генерального секретариата органов массовой информации исламских стран со штаб-квартирой в Мекке. В рамках этой организации создавались учреждения, деятельность которых была направлена на мусульманское меньшинство в немусульманских странах. В Саудовской Аравии было налажено создание и тиражирование специальных радио- и телепрограмм. Все это, конечно же, накладывало определенный отпечаток на отношения Саудовской Аравии с СССР

После распада СССР объектом устремлений этих сил стали и мусульманские регионы бывшего Советского Союза. Используя все растущий здесь интерес к религии, пропагандисты исламизма начали успешное освоение новых территорий, среди них оказались и республики Северного Кавказа.

Перестройка религиозной жизни в республиках по времени совпала с открытием в Москве посольств ряда арабских стран и, в первую очередь, с восстановлением дипломатических отношений в 1990 году с Саудовской Аравией. Появление их миссий в России внесло существенные коррективы в тактику деятельности северокавказских исламских организаций, центров и партий. С помощью отдела по делам ислама, открытого в посольстве Саудовской Аравии в РФ, началось активное становление связей с международными исламскими центрами. В республики стали завозить и бесплатно распространять десятки тысяч экземпляров религиозной литературы. Международные исламские организации начали подписание различных контрактов по строительству мечетей и исламских центров, организацию бесплатного паломничества, обучения и т. д. Только лишь по линии Комитета мусульман Азии и его Московского бюро, финансируемого Организацией Исламская конференция, в эти годы было издано более 170 наименований книг тиражом около 4 млн. экземпляров.

Создав базу единомышленников среди исламистов и пользуясь открытостью республики, посольства арабских стран стали привлекать для работы, в частности, в Дагестане различные мусульманские фонды и организации. Среди них, достаточно влиятельное в Саудовской Аравии исламское объединение «Джамаа ас-салаф ас-салих» (Группа подражания благочестивым предкам) их еще называют салафитами, или ваххабитами. Это о них пишут, что на Кавказе «происхождение са-лафитов, как ни странно, чисто «демократическое». Аналитики пытаются объяснить, что это молодое поколение в исламе, пришедшее к вере вследствие объявленной Горбачевым свободы. Правда, при этом забывают сообщить о том, что экстремистское крыло этого объединения — «салафиты» — пыталось захватить в 1979 году Мекку, также не вспоминают о погромах и мятежах, устроенных ваххабитами в различных странах.

Серьезную активность в Дагестане проявляла и другая саудовская организация МИОС («Аль Игаса») и ее лидер некто Дагистани. Именно эти организации должны были утвердить саудовское влияние в республике. По сведениям ФСБ РФ, Абдель-Хамид Джафар Дагистани возглавлял русский отдел «Аль Игаса» в Саудовской Аравии. Одновременно служил имамом мечети в Медине и с 1992 года выполнял на Северном Кавказе деликатные поручения одной из саудовских спецслужб. В 1994 году посольству Саудовской Аравии было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России. В Махачкале и в других городах открылись филиалы «Джамаа муслими», «Организации исламской солидарности» и т. п. Миссионеры из Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, специальными рейсами стали прибывать в республику. Среди приглашенных в Дагестан был известный в Саудовской Аравии Шейх Мухаммед бен Насер Аль-Абуди. Большую часть эмиссаров, финансируемых Исламской партией возрождения, составляли приверженцы ваххабитского толка ислама, среди них и Сервах Абед Саах.

Конечно же, было бы наивно полагать, что политизация ислама в Дагестане обусловлена лишь саудовским влиянием. Здесь можно выделить целый комплекс проблем. Немаловажное значение имели процессы, происходившие в целом на Кавказе и в Чеченской республике в частности. Превращение ислама в интегральную часть политической надстройки Чеченской республики, активное его участие в становлении и управлении республикой через созданные там муфтият, Совет Уле-мов и шариатские суды, серьезно подстегивали устремления дагестанских исламистов. Близость позиций определяли возникающие в то время различные региональные религиозно-политические организации. В 1992 году в Грозном был создан Высший религиозный совет народов Кавказа во главе с шейх-уль-Гаджи Аллахшукюр Паша-заде. Были созданы и Управление мусульман Кавказа и Консультативный совет международного форума «Кавказский дом». Немаловажное значение имели происходившая ломка привычных социальных отношений, издержки становления капитализма и рынка.

Вместе с тем, основным каналом распространения ваххабизма на Кавказе являлась бесконтрольная долларовая экспансия, совершаемая ваххабитскими центрами и эмиссарами из Саудовской Аравии. Свидетельство тому — информация ФСБ РФ, датированная ноябрем 1992 года. По оперативным данным спецслужб РФ, Саудовской Аравией в 1992 году на эти цели были выделены 17 млн. В 1997 году Международная исламская организация «Аль-Харамейн» оказывала активную финансовую поддержку дагестанским религиозно-экстремистским группировкам ваххабитского толка, которые ставили перед собой задачу свержения существующего в республике конституционного строя и создания на территории Дагестана и Чечни «исламского государства» с одновременным выходом из состава Российской Федерации. Генеральным директором «Аль-Харамейна» является шейх Акиль бен Абдул Азиз. Штаб-квартира находится в столице Саудовской Аравии, городе Эр-Рияде. Спец. службы располагают достоверной информацией о том, что через Бакинский филиал в исламский центр ваххабизма в Дагестане «Кавказ», размещавшийся в г. Махачкале и сел. Карамахи, неоднократно поступали крупные суммы иностранной валюты. Все это предшествовало событиям лета 1999 года, едва не приведшим республику к гражданской

войне.

В настоящее время в отрядах наиболее влиятельных чеченских полевых командиров активно действуют эмиссары «Аль-Харамейн», представляющие подданными Королевства Саудовская Аравия: Аб-дель Латыф бен Абдалль Карим-Дариан (в штабе Масхадова), Абу Омар Муххамед Ас-Сейф, Абу Сабит, Абу Салман Муххамед, Ад-Дахши и т. д.

Сегодня в Республике Дагестан резко возросли антиклерикальные, антиваххабитские и антиэкстремистские настроения. Эти настроения способствовали принятию Закона РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Подобные законы приняты и в некоторых мусульманских странах: в Египте — закон, запрещающий образование религиозно-политических организаций (от 2 июля 1977 г.), в Сирии — закон от 7 июля 1980 г. о смертной казни за принадлежность к организации «Братья-мусульмане», в Ираке — закон о смертной казни за принадлежность к «Партии исламского призыва» от 31 марта 1980 г.)

Речь же, даже при том, что закон во многом и декларативен, идет о защите национальных интересов Дагестана и соответственно России. Добиваться их реализации необходимо путем участия в сложной игре и с теми, кто нас не очень любит, и с теми, с кем у нас традиционно добрые отношения, и с теми, кто пытается реализовать собственные небескорыстные интересы в нашей стране. Исключения здесь не может быть и для Саудовской Аравии, ведь она не отказалась от идеи панисламизма и панарабизма, а многочисленные экстремистские организации строят свою стратегию на этих идеях.

3.3. ПОДДЕРЖИВАЕТ ЛИ ТУРЦИЯ ТЕРРОРИСТОВ И СЕПАРАТИСТОВ НА КАВКАЗЕ?

В ночь с воскресенья на понедельник 22 апреля группа вооруженных людей (по разным оценкам их было от 20 до 25) захватила гостиницу «Свиссотель» в центре Стамбула. Двенадцать часов бандиты держали в заложниках 120 постояльцев (в том числе четырех граждан России). Своей целью террористы объявили прекращение войны в Чечне. При таких же точно обстоятельствах в Турции проходили и другие теракты: захват в январе 96-го в черноморском порту Трабзон группой террористов парома «Аврасия» с 211 пассажирами, в основном гражданами России и российского лайнера «ТУ-154» в марте 2001-го. Во всех случаях главная задача террористов — привлечь к чеченским проблемам внимание Международного сообщества.

СМИ рассказывали уже об этих историях. Обозреватели многих средств массовой информации пытались понять, как террористам удалось пронести оружие на борт судов. Некоторые считали, что это стало возможным из-за недостаточных мер безопасности. Кое-кто обвинил турецкие власти в пособничестве чеченцам и призвал россиян не ездить в эту страну. Писали и о том, что подобные обвинения явно пахнут нафталином времен идеологического противостояния двух стран и что есть некие силы, которые стремятся противодействовать улучшению отношений между Москвой и Анкарой.

Что же происходит в Турции на самом деле? Чем объяснить эти трагические события?

Как бы там ни было, очевидно то, что организаторы этих терактов ведут сегодня против России необъявленную войну, хотят ослабить российское влияние на Кавказе и спровоцировать новую волну сопротивления. Кто стоит за всем этим?

Это заметно невооруженным глазом. То, что Анкара уже который год покровительствует чеченским боевикам, факт общеизвестный. Турция стала для многих российских сепаратистов и ваххабитов вторым домом. Здесь они подлечивают раны перед новыми боями, здесь они тренируются. По данным Минобороны Италии, лишь с начала антитеррористической операции в Чечне на территории Турции прошли подготовку от 3 до 5 тысяч боевиков, переброшенных затем в Чечню. Конечно, турецкие власти отрицают подобные факты. По словам премьера Турции, несмотря на то, что «чеченцы — братский народ», об укрывательстве на территории Турции лиц, поддерживающих боевиков, не может

быть и речи. «Время новостей» приводит слова эксперта одного из ведущих турецких научных центров «Асам» Синона Окана, также утверждавшего в беседе с корреспондентом газеты, что Турция не помогает боевикам. Однако это лишь слова. В Турции открыто действуют комитеты в поддержку сепаратистов, которые ведут сбор средств на войну. Здесь функционирует и ряд прочеченских организаций, занимающихся, в частности, сбором средств для оказания помощи сепаратистам. Кто бывал в последние годы в Стамбуле, не мог не заметить в самом центре, рядом со стамбульским университетом специального киоска с чеченским флагом для сбора средств воюющим в Чечне сепаратистам. Ни для кого не секрет и то, что представители некоторых турецких партий сравнивают антитеррористическую операцию в Чечне с «геноцидом». Программа победившей на выборах в парламент партии «Рефах» предельно ясно ориентирует своих сторонников на защиту мусульман СНГ. Исламисты «Рефаха» прямо требуют полного политического контроля как минимум над Чечней и Азербайджаном. Лидер партии Н.Эрбакан призывает к объединению исламского мира от Казахстана до Марокко, к созданию исламского общего рынка, исламского НАТО и исламского ООН. В экономике партия заявила о намерении ввести в обращение региональную денежную единицу — исламский динар. Добавим к этому, что политизированный ислам в большинстве республик Средней Азии контролируется «туркоцентричными» суннитами. Турецкие исламисты обеспечивают по линии негосударственных организаций так называемую «гуманитарную помощь» чеченской армии Дудаева, включающую финансирование, поставки боевого снаряжения, подготовку дудаевцев в турецких военных лагерях и т. п. Они взяли на себя роль «рупора» антироссийских и ультранационалистических идей турецкого политического истеблишмента и это нельзя не принимать во внимание.

Не брезгают подобными заявлениями и представители официальной Анкары. Так, государственный министр Турции Абдулхаллюк Чей сравнил политику РФ на Северном Кавказе с «действиями Германии в 40-е годы в отношении евреев», требуя при этом от Москвы «прекращения насилия». Еще 21 января этого года господин Чей выступил с призывом «реабилитировать Великую Османскую Империю», включив в нее не только тюркоязычные республики СНГ, но и славянскую Украину и исламский Иран. «Россия слишком слаба, чтобы противостоять нам», — заявил тогда турецкий министр. Однако со временем высказывания Чея стали еще более провокационными и приобрели обвинительный характер. Сегодня Чей говорит о «дефедерализации» России, в частности угрожающей Северному Кавказу.

Очевидно, что заявления турецкого министра не являются абсолютным показателем турецкой политики в отношении России и отражают, скорее всего, мнение некоторых «истерических националистов». Напомним, что МИД РФ уже выступил со специальным заявлением о неприемлемости подобных высказываний членом турецкого кабинета министров. Однако результатом этой позиции российского внешнеполитического ведомства стало «повышение уровня» турецких деятелей, делающих аналогичные заявления. И уже вице-премьер турецкого правительства Девлет Бахчели обвинил Россию в дестабилизации ситуации в Центральной Азии и на Кавказе, заявив, что Анкара вынуждена идти на контрмеры.

Каковы эти контрмеры, мы с вами можем догадываться. Только за прошлый год в России было обезврежено шесть агентов турецкой разведки. ФСБ России распространила заявление, в котором говорилось, что она «располагает доказательствами возможной причастности турецких спецслужб к терактам на пароме «Аврасия» и в гостинице «Свиссотель». Было заявлено, что главарь банды, захватившей «Аврасию», Мохаммед Токджан — является агентом турецких спецслужб. Турецкие власти эти обвинения проглотили. Да и, собственно, что они могли возразить? Нападавшие на отель «Свиссотель» тоже сразу же заявили, что они — соратники известного террориста Мохаммеда Токджана, руководившего в 96-м захватом «Аврасии». Токджан хорошо известен турецким спецслужбам. По национальности он абхаз (его настоящая фамилия — Тужба). Участник

абхазской войны, соратник Шамиля Басаева. Неоднократно переправлял из Турции в Абхазию оружие и деньги. В 96-м, после захвата «Аврасии» Токджан вместе с другими террористами был арестован. Но вот что удивительно: на суде прокурор потребовал их освобождения, дескать, никакого вреда турецким интересам бандиты не причинили. А через год, в октябре 97-го, Токджан сбежал из самой страшной турецкой тюрьмы «Имралы», откуда, по уверениям самих же турецких властей, сбежать невозможно. «Имралы» находится на острове, в 11 километрах от материка.

А дело агента турецкой разведки Исхака Касапа? Касап был задержан в 95-м году при переходе дагестано-чеченской границы. Он признался, что был послан турецкой разведкой в Грозный для того, чтобы наладить прямой канал связи Дудаева с Анкарой. Надо вспомнить и о том, что именно в Турции скрываются известные в Дагестане идеологи ваххабизма: автор небезызвестного трактата «Наша борьба, или повстанческая армия имама» М. Тагаев и Адалло. Последний даже выпустил в Турции вместе с турецким соавтором Набисом Дагченем антироссийскую книгу под названием «Диалоги с Адалло». Можно было бы рассказать и про активные действия на Кавказе ассоциации «Торос», которая входит в финансово-политическую империю основателя турецкого ваххабизма, лидера радикального исламского движения «Нурджу-лар» Фетхуллага Гюлена.

В Новороссийске за контрабанду леса перед судом предстал турецкий предприниматель Мустафа Акбут. В ходе следствия выяснилось, что часть денег от продажи леса направлялась в Чечню.

В последнее время турецкую разведку стала интересовать и турко-мешетинская проблема, ставшая болевой точкой в Краснодарском крае. Кубанские чекисты отмечают, что только в прошлом году здесь побывало 48 кадровых сотрудников турецкой спецслужбы.

Итак, почему Анкара поддерживает сепаратистов и экстремистов на Кавказе? Оснований здесь несколько. Можно говорить о стремлении угодить северокавказской и в том числе и чеченской диаспоре, поскольку эта диаспора является одной из влиятельных внутренних сил в Турции. Она насчитывает 5–6 млн. В этой среде проявляются сильные и требующие практического выхода симпатии к чеченским сепаратистам. Турция пытается поддерживать и таким образом контролировать эти проявления.

Весьма важное значение играет и исламский фактор. В последние годы военные Турции с большим трудом сдерживают радикальные исламские силы, рвущиеся к власти в стране. Социально-экономическая, демографическая ситуация в Турции представляет собой благодатный материал для лепки экстремистов какого угодно толка. И они, как и в других регионах, пытаются дестабилизировать ситуацию путем террора.

Можно говорить и о рецидиве застарелых пантюркистских амбиций некоторой части правящей верхушки.

Но при всем этом, самая главная причина в другом. Основной фактор, определяющий политику Турции в отношении чеченского кризиса, — транзитные магистрали. Это борьба за маршруты транспортировки энергетических ресурсов Каспия. В этой гонке Анкаре удалось выиграть первый раунд. Это подписание целого ряда соглашений в ходе саммита ОБСЕ в Стамбуле. Среди них: пакет соглашений по основному экспортному трубопроводу, который пройдет по маршруту Баку — Джейхан и поддержка экспорта азербайджанского природного газа через территорию Грузии на международные рынки. Турция выиграла борьбу за транспортировку каспийской нефти. И этому во многом способствовали военные события в Чечне и в целом обострение в последние годы обстановки на маршруте нефтепровода Баку-Новороссийск (в Дагестане, Карачаево-Черкесии). В начале 90-х через Дагестан стал налаживаться и альтернативный балканскому транспортный транзит из Азии в Европу. Но с началом боевых действий на Кавказе маршрут «угас». И не в интересах Анкары, если на маршруте «северного» транзита будет обеспечена обстановка мира и стабильности.

Следует заметить, что Турция, равно как и многие другие участники «большой игры» в Северо-кавказском регионе, не была готова к активизации в последнее время усилий России в стремлении восстановить здесь свои позиции. Анкара рассчитывала на сохранение былого

интереса Вашингтона к Кавказскому региону и усилению его, соответственно и турецкого влияния в этих постсоветских республиках. Сегодня противоречивость региональной политики новой американской администрации пошатнула турецкие приоритеты на Кавказе. Региональная политика Турции приобретает явно панический характер. Это, зачастую, не совпадает со стремлением народов наших стран создавать взаимовыгодные и стабильные отношения. Россию подобная паническая политика южного соседа должна настораживать и наперняка, пришло время эффективного противодействия.

3.4. ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — 20 ЛЕТ СПУСТЯ. ИРАН: НА ПОРОГЕ НОВЫХ ПЕРЕМЕН

Заметное оживление российско-иранских отношений, набирающих силу в последние годы в топливно-энергетическом комплексе, авиационной сфере, горнорудной промышленности, автомобилестроении и военном сотрудничестве, наконец, встреча президентов Мохаммеда Хатами и Владимира Путина вызывает самое пристальное внимание к Исламской республике Иран.

О перипетиях исламской революции в Иране написано достаточно. Многие из нас еще помнят февраль 1979 года, когда три дня ожесточенных боев в городах Тебризе, Мешхеде и Казвини положили конец шахской монархии Мохамеда Реза Пехлеви и привели к власти шиитское духовенство.

На политической карте XX столетия появилось теократическое государство во главе с Высшим исламским советом. Позднее исследователи назовут эту власть «муллократией». И это во многом верно. Мусульманское духовенство выступило в качестве важного элемента общественно-политической надстройки Ирана. Ислам обнаружил себя как политическая система, где политика и проблема власти скрепляют в ней все остальные составляющие. Иранские богословы по этому поводу прямо заявляют: «Наша политика — то же самое, что наша религия, наша религия — то же самое, что наша политика». Не все аналитики смогли принять этот тезис. Многие из нас по этому поводу недоумевали, ведь религия далека от политики. Политическая концепция неошиизма с ее доктриной экспорта исламской революции, выдвинутая лидером революции аятоллой Хомейни, казалось, изначально обречена. Но произошедшее в Иране опровергло это заблуждение. Исламское правление оказалось, на удивление, прочным. И дело, видимо, в том, что шиитское духовенство смогло «оседлать» назревший в народе протест против шахской деспотии и ее усиленной модернизации по западным образцам. Оно смогло увлечь народ идеей построения справедливого исламского общества с мирной и бесконфликтной жизнью.

Сегодня, по истечении 20 лет, невольно возникает вопрос: не было ли это очередной утопией, увлекающей народы в бессмысленные социальные эксперименты? Первое же близкое знакомство с происходящими в Иране процессами позволяет увидеть разрекламированную политику исламизации государства. Политическая система опирается на шиитское понятие «вилайет», что означает обязательное покровительство над верующими факихов разных степеней, образующих в шиизме четкую иерархию — от простых мулл до аятолл. Органы власти в стране построены таким образом, что ведущее положение в политической системе на всех уровнях занимают религиозные деятели. Именно они составляют абсолютное большинство в законодательных и исполнительных органах страны. Над парламентом стоит так называемый Наблюдательный совет, в задачу которого входит проверка решений на соответствие их шариату. В сущности, этот орган из 12 религиозных деятелей, назначаемых лидером страны, имеет право на вето любого парламентского решения.

Однако исламизация в Иране выразилась не только в этом. Поучительными оказались и исламские эксперименты в экономике. Революция 1979 года покончила с западным влиянием в Иране. А оно было значительным. Поданным газеты «Вашингтон пост», только лишь «американские интересы в Иране выражались миллиардами долларов,

материализованных в различных контрактах, капиталовложениях в промышленные предприятия, в значительном уровне экспорта и военных поставок». Многие заводы в Тегеране принадлежали американским компаниям «Катерпиллер», «Парк Девис», «ИТТ», «Рамблер», «Руте-Крайслер» и т. д. Как пишет газета «Техран тайме», сразу после революции из страны были выдворены 85 тыс. иностранцев, работавших в различных компаниях. Были национализированы многие иностранные предприятия, закрыты банки и счета. Исламская республика отказалась от военного сотрудничества с Западом, аннулировала военные соглашения и провозгласила во внешней политике независимый курс.

В итоге Иран оказался в фокусе серьезных внешнеполитических противоречий и попал в международную изоляцию. Последовавшие санкции серьезно обострили внутренние противоречия. Не были приняты обещанные в ходе революции законы об аграрной реформе и национализации внешней торговли. С глубокими проблемами столкнулась и реализация проектов нефтяной и газовой промышленности. При этом хозяйственное право, зафиксированное в шариате, приобрело универсальный характер, затрагивая не только торговлю, но и сферы организации производства, обращения, функционирования капитала и т. д. В результате в руках крупных собственников оказалось 80 % сельскохозяйственных угодий. Количество миллионеров выросло в несколько раз. Произошла поляризация общества. Экономические и финансовые трудности серьезно отразились на социальной защищенности большинства населения. Из 49,5 млн. иранцев 22 млн. оказались за чертой бедности. Это в стране, которая занимает второе место по запасам газа и является четвертой мировой державой по добыче нефти.

Невиданный размах в последние годы приобрел наркобизнес. В одном из своих выступлений министр внутренних дел Ирана Мусави-Лари выразил крайнюю обеспокоенность ростом оборота наркотиков в стране. Только лишь в 1998 году иранские пограничники изъяли 80 тонн наркотиков. За годы реформ резко увеличилась и эмиграция из Ирана. В одной из самых больших на Ближнем Востоке еврейских общин, не считая Израиля, сегодня осталось 35 тыс. человек.

За прошедшие после революции годы целое поколение иранцев выросло в условиях строгого шариата. Кто бывал в последние годы в Иране, не мог этого не заметить. Молодые люди уже не помнят эстрадных выступлений, закрыты кинотеатры, нет спиртного в магазинах. Запретили игру в шахматы. Не встретишь на улицах иранских городов, деревень и женщин в коротких юбках и брюках. Представительницы слабого пола «дружно» оделись в исламскую форму одежды, позволяющую обнажить лишь лицо и кисти рук. Ценности исламской морали объявили единственно верными. Этические нормы претворялись в жизнь очень жестко. Случалось, что губную помаду стирали наждачной бумагой, а оголенные выше локтя руки прижигали сигаретами. Слишком «разукрашенных» могли окунуть в арык, а то и кислоту в лицо плеснуть. Полиция нравов строго следит за соблюдением всех предписаний шариата. Это было заметно по тому, как женщины, севшие со мной в автобус, следовавший рейсом Стамбул — Тегеран, при приближении к иранской границе надели поверх европейской одежды платки и накидки. Мужчины стали реже бриться, почти забыли о галстуках и перестали покупать рубашки с короткими рукавами; темными и серыми стали цвета одежды. Казалось, что смутные воспоминания о годах прозападного образа жизни могут навевать лишь громоздкие старомодные американские «кадиллаки» и немецкие автобусы «мерседесы», еще встречающиеся на улицах иранских городов. Но это на первый взгляд. Внешнее пуританство (соблюдение шариата) не стало образом жизни всех иранцев. Известно, что многие из них выезжают на отдых в Турцию, Грецию, Италию и Францию. В автобусных терминалах (стоянках), в отелях, где приходилось останавливаться, к нам подходили молодые люди и предлагали за валюту алкогольные напитки и другие развлечения. Недавно руководство страны было шокировано докладом министерства культуры, в котором сообщалось, что 90 % иранских школьников и студентов не совершает ежедневных обязательных молитв.

Человек, проживший хотя бы недолго в условиях либеральной демократии, попадая в

современный Иран, остро ощущает его отличие от европейских стран. «Разве это жизнь?» — сетовал в разговоре со мной пожилой иранец, подвозивший меня на собственном «кадиллаке» из Тебриза в Астару. — Люди разучились радоваться, отдыхать, любить друг друга. Он вспомнил недавний судебный случай, когда полиция задержала его родственника за недостойное поведение. Непристойность выразалась в том, что он держал свою спутницу под руку. Иранец говорил, что страна живет в бесконечных митингах, демонстрациях и проповедях... — Вот при шахе жили лучше...».

С избранием в августе 1997 года нового президента Моххамеда Хатами, который одержал сокрушительную победу над консерватором Али Акбаром Натек-Нури, в Иране впервые заговорили о реформах и об улучшении отношений с Западом. Знаковой вехой стали и прошлогодние выборы в парламент страны, вновь принесшие победу сторонникам Хатами. Однако робкие попытки президента в этом направлении были решительно пресечены аятоллой Али Хомейни, которому принадлежит реальная власть в Иране. Были закрыты сочувствующие президенту газеты. Только с апреля прошлого года закрыто 25 центральных изданий, в подавляющем большинстве реформаторского толка. Арестован ряд журналистов по стандартному обвинению: «очернение идеалов исламской революции». Недавно иранская организация социальной защиты включила журналистов в число наиболее опасных профессий. Взят под стражу и ближайший соратник Хатами мэр Тегерана Го-лям Хосейн Карбасчи.

Консервативное духовенство, обладающее в стране безграничной властью, перемен не желает, мотивируя это поддержкой большинства населения. Конечно, доля истины в этом есть. Реформаторов здесь поддерживает только наиболее образованная часть населения и студенчество. Студенты и научная элита с самого начала не приняли монополии духовенства на политическую власть и провозгласили лозунг: «1979 год — год победы невежества над несправедливостью».

Спустя 20 лет (летом 1999) оппозиция открыто выступила за реформы в стране и выдвинула требование отмены единовластия духовенства. По свидетельству очевидцев, в Тегеране и в некоторых других городах произошли столкновения, слышалась стрельба. За последние годы это самое мощное выступление оппозиции против монополии шиитского духовенства.

Однако проводить параллели с событиями 1979 года, пожалуй, еще рано. Иранское общество не готово к очередным реформам. Правящее духовенство умело подпитывает сознание граждан, находя все новых и новых врагов исламской революции то в Израиле, который в Иране называют «оккупированная Палестина», то в британском писателе Салмане Рушди.

И при всем этом события последних лет неумолимо говорят о том, что революционные перемены в Иране, в этой уникальной, с тысячелетней историей стране, давшей миру Омара Хайяма, Фирдоуси, Ха-физа, Кемаледдина Бехзада и Султана Мухаммеда, еще впереди. Президент Хатами заявляет, что будет проводить в жизнь реформы. Выход страны из изоляции предполагает расширение контактов с внешним миром, и Иран делает заметные успехи в этом направлении. Примером тому — российско-иранское сближение. Сегодня отмечается близость позиций Москвы и Тегерана по целому ряду международных проблем — от Каспия до противостояния афганским талибам. Определяющими в этом процессе будут, как очевидные, торгово-экономические интересы, так и смягчение тегеранского режима, который, напомним, еще недавно именовал Москву «второй сатаной» после первой — США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МИФОЛОГИЗАЦИЯ НАУКИ И НАУКООБРАЗНОСТЬ МИФОВ

Некоторое время назад президиум Российской академии наук опубликовал обращение

ко всем членам интеллектуального сообщества России. Казалось бы, факт непримечательный, если не учесть одного обстоятельства. За более чем двухсотлетнюю историю впервые президиум РАН решился обратиться к широкой научной общественности страны. Естественно, возникает вопрос: что же так обеспокоило Российскую академию наук и побудило ее пойти на столь неординарный шаг?

Проблема, подтолкнувшая академию наук на столь крайнюю меру, — это широкое и беспрепятственное распространение в стране мистики, астрологии, шаманства, оккультизма, шабаш прорицателей, святых и пророков. Наука в осаде — предостерегает в своем обращении президиум РАН. Не проходите мимо! Мутные волны мистицизма захлестывают страну. Положение, по мнению Российской академии наук, развивается столь драматично, что «от позиции и действий каждого научного сотрудника сегодня зависит духовное здоровье нынешнего и будущего поколений».

И в самом деле, ситуация, которая складывается сегодня в целом по стране и в нашей республике, в частности, не может оставить равнодушным человека просвещенного. «Известный экстрасенс избавит от запоя, снимет порчу и сглаз...», «гадалка с высшим образованием предскажет вашу судьбу...», «профессиональный астролог составит астрологический календарь...» и т. п. От таких рекламных объявлений в нашей прессе глаза разбегаются. Ими не брезгуют и вполне уважаемые издания. Никто не возьмется сосчитать, скольких граждан обслужили эти кудесники — спрос на предсказателей и целителей в республике невиданный. Прилавки книжных магазинов буквально завалены учебниками и пособиями по «белой и черной магии», астрологии и пророческой медицине.

Казалось, эпоха средневековья давно канула в Лету, и образованный человек забыл об анаморфозах науки (искаженные картины). Он уже достаточно образован и научен, чтобы в отличие от своего средневекового предшественника забыть о рациональном опыте, предпочитая иметь дело с мифами. Но, увы. Мы со спокойной совестью проглатываем наживки с чудесными яйцами и котятками с именем Всевышнего, с неподдельным удивлением интересуемся деревьями «совершающими» молитву. Религиозные газеты пестрят описаниями видений, озаряющих благочестивых адептов. «Карамат» — в рубриках под таким мистическим названием мы узнаем удивительные истории о чудесных исцелениях больных с сердечно-сосудистыми и даже онкологическими заболеваниями. Вчерашний выпускник естественных факультетов, открыв и почти исследовав природу многих явлений, вдруг обнаруживает, что современное естествознание не отражает реальности изучаемого им объекта. В его мифологической проекции исчезает естественнонаучная определенность и появляется рисуемая озарением анаморфоза — плоды неких мистифицированных образов. На помощь науке призываются «сенсационные» открытия, основанные на сакральных текстах. Ученые с усердием доказывают, что Вселенную создал Бог. Видимо, пришло время на физико-математических факультетах открыть кафедры теологии, тем более что Министерство образования РФ утвердило «теологию» в качестве образовательного направления, допускаемого в государственных вузах. Не отстают от физиков и врачи. Новоиспеченные кандидаты медицинских наук пишут о своих «сенсационных» открытиях энергетических полей и биологически активных точек, открывающихся при совершении ритуала омовения. Правда, людям, индифферентным к религии, торопиться не стоит с поисками своих БАТ. Как пишет наш коллега, без соответствующего религиозного намерения (ния), эти точки не открываются. А сколько написано о посте! Пост становится единственным спасением от всех известных человеческих недугов. Судя по всему, уже скоро наша медицина перестанет различать миф и реальность, избавится от экспансии эксперимента и долгих, трудоемких лабораторных исследований.

Чего только не узнаешь, читая религиозные издания! Оказывается, недавно ученые из лаборатории исследований биоэнергетики неживых организмов, и такое сегодня существует, обнаружили энергетическое возмущение у различных растительных плодов при воздействии на одного из них, словно у живых. Но самое удивительное в этом «открытии» то, что если при разрезании фрукта произносилось «бисмилла», возмущение прекращалось. Так и хочется

воскликнуть за древним мыслителем: «О времена, о нравы!». Что тут говорить о теории эволюции, которая в концепциях тех же «естествоиспытателей», оказывается, давно потерпела крах! Сегодня открыто высказываются мысли о запрещении преподавания в школе дарвинизма. Не за горами новый обезьяний процесс. Неужели пришло время пересмотра каркаса существующего позитивного знания и современная наука уступает место религии? Неужели вековой спор науки и религии завершился в пользу мистики или мы являемся свидетелями невиданного мифотворчества?

Очевидно, мы имеем дело с современным мифотворчеством. И именно об этом предостерегает Российская академия наук. Истоки мифотворчества, в общем-то, хорошо известны. Почти всегда они связаны с психологией личности и процессами становления социального организма. Религиозный человек верит в два мира реальностей: один — видимый, осязаемый, подчиненный неизбежным законам движения, и другой — невидимый, неосязаемый, «духовный». Для религиозного мышления всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие. Мышление здесь не повинуетя исключительно законам логики.

Опыт не в состоянии ни разуверить их, ни научить чему-нибудь. В бесконечном количестве случаев религиозное мышление непроницаемо для опыта. Возникновение существ и явлений того или иного события представляется здесь как результат мистического действия, которое при определенных мистических условиях передается от одного предмета или существа к другому в форме соприкосновения, переноса, симпатии, действия на расстоянии и т. д. Правильная смена времен года, периодичность дня и ночи, рождение и смерть человека, его здоровье и болезни — все это связывается с сверхъестественными силами и с выполнением известных мистических действий определенными людьми, обладающими специальной мистической благодатью. То, что мы называем естественной причинной зависимостью между событиями и явлениями, либо вовсе не улавливается мифологическим сознанием, либо имеет для него минимальное значение. Первое место в его сознании, а часто и все его сознание, занимают различные виды мистической сопричастности, говоря словами Леви Брюля, «партиципации». Необходимо отметить, что предмет, который пытается изучить эта умственная деятельность, уже подвергся действию «закона партиципации». Любое высказывание о человеке, животном организме, физическом объекте подразумевает большое количество суждений, которые предполагают сверхъестественные связи и отношения. В этом смысле религиозные представления не являются продуктом интеллектуальной работы в собственном смысле этого слова. Они включают в себе в качестве составных частей мистические и иррациональные элементы, и, что особенно важно, они вместо логических отношений (включений и исключений) подразумевают более или менее четко определенные, обычно живо ощущаемые верующими, сопричастия с определенным мифом. Вот почему религиозное мышление может быть названо мифологическим с таким же правом, как и мистическим.

Это, скорее, два аспекта одного и того же основного свойства, чем две самостоятельные черты. Под термином «мифологический» отнюдь не следует разуметь, что это мышление представляет собой коллективные представления, которые не подчиняются логическим законам. Вовсе нет. Называя его мифологическим, я только хочу сказать, что оно не стремится, подобно рациональному мышлению, избегать противоречий. Там их просто нет. Все противоречия легко разрешаются ссылкой на божественную волю.

Миф очень важен для человека потому, что дает ему ощущение психологической защиты и смысла бытия. Он компенсирует то, чего не достает в реальности. Если наше население все чаще обращается за помощью к предсказателям, экстрасенсам и целителям, то это происходит, прежде всего, из-за того, что лекарства и квалифицированная медицинская помощь стали многим не по карману. Медицина все больше переходит на платную основу. И проблема тут не столько в гадалках, а в тех, кто наживает капиталы на людской беде.

Религиозное сознание всегда пыталось и пытается в наши дни заменить науку, открывая объективную истину «кратчайшим путем» — минуя эксперимент, реальный

(нерелигиозный) опыт, научное исследование — просто и прямо «от Бога».

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Религиозное возрождение, происходящее в Дагестане в последние десять лет, пожалуй, самое значительное для республики явление конца XX столетия. Несмотря на серьезные усилия, прилагаемые для ее искоренения в течение без малого 70 лет, сразу же после провозглашения демократии, тысячи дагестанцев стали обращаться к религиозной вере. Возрождение коснулось всех конфессий, особенно оно заметно на примере ислама.

Казалось бы, все складывается удачно и благополучно. Многие из нас стали питать надежду, что религия привнесет в нашу жизнь недостающий элемент взаимопонимания, доброжелательности, бережного отношения к чувствам и помыслам другого. Но происходящее в республике неумолимо опровергает эти ожидания.

Вместо умиротворения, доброжелательства и терпимости наша жизнь стала наполняться нетерпимостью к инакомыслию, жестким идеологическим давлением и новым вызовом свободе совести. Выступления духовных лидеров, духовная литература, статьи религиозной периодики в одночасье наполнились такими суждениями, которые поражают не только своим теоретическим легковесием, но и вызывающей безапелляционностью в интерпретации вопросов, озадачивавших известных мыслителей древности и современности. Скороспелые богословы, совершенно не утруждая себя раздумьями, попытками вникнуть в суть проблемы, начали провозглашать истины в последней инстанции. Вопросы, над которыми тысячелетиями бьется человечество, под пером этих «ученых», неожиданно стали обретать свои окончательные решения. Речь идет о совершенном неприятии богословами возможности существования различных точек зрения по вопросу о божественности и естественности мира, теизма и атеизма.

Мы вполне осознаем, что сегодня, когда даже замшелые догматики пытаются встать под знамена «культурного прозрения», любой намек на ставший одиозным атеизм, может вызвать лишь ироническую улыбку. Но, следует помнить, начиная с античности, философы и теологи бьются над вопросами мироздания и не могут дать однозначного ответа, да, видимо, и не смогут. Это особенность философских тезисов. Там, где есть тезис, всегда присутствует и антитезис. И философия религии — не исключение: теизм не только предполагает атеизм, но в известном смысле, только при наличии антитезиса — атеизма, приобретает свой смысл. И хотим мы того или нет, нам не удастся ни обойти, ни, тем более «в два счета», опровергнуть эту особенность. Благо, мы живем пока в светской стране.

При этом следует оговориться, что не все здесь однозначно. Многие из нас, недавние студенты, доверчиво воспринимали в качестве научного знания казенные штампы и формулировали свои соображения в рамках предлагаемого клише. Глубокий философский смысл, заложенный в скептицизм, деизм и атеизм, был низведен до пропагандистских лозунгов. Свобода совести, объявленная в рамках большевизма и партийности, превращалась в руководство к действию. Тут ничего не поделаешь, все мы заложники своего времени. Но трагично то, что и сегодня объявленная свобода совести почему-то воспринимается как победа теизма над атеизмом, богоискательства — над верой в человека. Рьяные защитники религии не хотят осознать, что свобода совести включает в себя: право на исповедание любой религии; право не исповедовать никакой религии; право быть атеистом и самое главное — равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии. Это признание за каждым человеком права мировоззренческого выбора, а также этот выбор изменять.

За десять лет все вдруг переменялось. Произошло то, что еще недавно было немислимо. В республике «массового атеизма», где еще вчера о религии рассуждали лишь в обличительном тоне и считали ее пережитком прошлого, никто не вспоминает об атеизме. Это стало плохим тоном. Профессора научного атеизма и авторы многочисленных атеистических трактатов в одночасье сникли, опустили руки и стали заниматься богоискательством. Тон начали задавать напористые богословы, пишущие без оглядки не

только на религиозную догматику, на очевидные факты и исторические события, но, порой и на конституционные нормы. В печати началась широкомасштабная пропаганда патриотической и нравственной роли религии, духовного величия религиозных подвижников и значимости религиозных институтов. Прошлое и все традиционное оценивается сквозь призму богословской теории, которая превозносит религию как основополагающую систему культурных ценностей, как единственный способ реализации личности и восстановления морального благополучия общества.

Во всем этом есть много справедливого, единственно, что вместе с возрождением религии со всей очевидностью встал вопрос и о месте атеизма в нашей жизни, о людях, для которых атеизм стал мировоззренческим выбором, а ведь их, по последним данным социологических исследований, около 20 % в нашей республике.

Критический всплеск, вырвавшийся на страницы религиозной периодики, не замечает очевидное. Атеистам вменяется в вину варварское уничтожение отечественных памятников, ломка нравственных устоев общества и отказ от собственного исторического наследия. Не занимая себя серьезным анализом, вчерашние атеисты, нарасхват используя пропагандистские выражения «атеистическое мракобесие», «атеистический молот», стали обличителями атеизма. Пьянство, наркомания, преступность связываются с секуляризацией, с отходом общества от религиозных устоев. «Да, — пишет один из авторов газеты с миролюбивым названием, — мы убежали от атеистических зверей, хотя они за нами гонятся... На их стороне козни шайтана и идеи нескольких мертвых философов, что по сравнению с Божественной философией Ислама — ничто... которая исчезнет, как туман при восходе солнца». Что можно сказать по этому поводу? — Новая охота на ведьм. Хотя этот тон понятен, наболело на душе, как еще выразить то отчаяние и безысходность от тоталитарной системы, ставившей человека в жесткие мировоззренческие рамки. Но как же быть с провозглашенной сегодня свободой совести, что делать с Законом РФ «О средствах массовой информации», статья 51 которого гласит: «запрещается использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельную категорию граждан исключительно по признакам... отношения к религии»? Пожалуй, это риторический вопрос.

Почивать на лаврах алиментства, пожалуй, рано. Вот уже почти 1400 лет сверкает на небосклоне солнце ислама и никак не испарится туман атеизма. Тут одного желания мало. В пору возвращаться к шариатским судам. «Оставил одну молитву, требуй покаяния... Если же откажется от покаяния, то такого из мусульман разрешается убить...». Кстати и суды недолго пришлось ждать. Мы уже стали свидетелями того, как в некоторых регионах шариатские суды выносили свои приговоры. Вот это была истинная свобода! Едва успев уйти от одной моноидеологии, нас тянут в другую, не менее воинственную систему. Да, атеизм использовался как средство оправдания казарменного государственного устройства. Во многом способствовал борьбе с верующими и с церковью. Однако, видеть в атеизме корни всех зол, причину репрессий духовенства — значит, не понимать сути происходящих революционных преобразований и борьбы за власть в стране белых и красных, левых и правых, и места в ней духовенства. Совсем не случайно в эшелоны со священнослужителями грузили и репрессированных атеистов. Кроме того, переход на позиции подобной аргументации не выгоден для самой религии. Советуем этого не делать. Как бы ни пришлось припомнить многое из того, о чем маститые богословы предпочитают не говорить. На протяжении своей долгой истории под знаменами религии совершались такие деяния, о которых, в самом деле, лучше не вспоминать.

Но удивляет нас теперь не это, и не тот жесткий отпор со стороны духовенства, который получает любая мало-мальская критика религии, а то, что атеизм стал расцениваться как проявление безнравственности и бездуховности, а термин атеизм, да и просто неверие стало бранным словом. Достопочтенный шейх, определяя намаз как признак веры, пишет: «Можно сказать, что по степени умственного развития немолящийся и крупный рогатый скот стоят на одном уровне, потому что такую же жизнь как немолящийся

ведет и скот, если это достаточно». Возможно, это погрешности перевода. Или за ними скрыт сокровенный смысл. Или все же такова аргументация признанного богослова и шейха. Хорошо, если бы дело кончилось этим. Беда в том, что вслед за атеистами «умственно слабых» стали искать и в собственных рядах. Издания, претендующие на духовное просветительство народов, запестрели заголовками «Атеизм и ваххабизм — вместе заодно». Появились непримиримые — ваххабиты, радикалы, сектанты, и т. п. «Осторожно — секты!»—восклицают новые учителя. Каждый из нас осознает, пишут они, насколько большую угрозу для нас представляют все возрастающие число сект — «Адвентисты Седьмого дня», «Аум Синреке», «Свидетели Иеговы» и др. Может оно и верно в отношении «Аум Синреке», но уважаемый учитель забывает, что церковь христиан Адвентистов Седьмого Дня является всемирной церковью, имеющей единое учение, организационную структуру и объединяющей 10 млн. человек. На территории России действуют более 400 общин адвентистов. Точно так же и Свидетели Иеговы насчитывают более 5 млн человек в 236 странах мира. Приходится наблюдать, как, с одной стороны, провозглашаются принципы свободы совести, гарантируется право исповедовать любую религию или быть атеистом, а с другой — всех, кто не разделяет идей шариата, объявляют глупцом или врагом народа. А где же право? Ведь по закону преследуется оскорбление религиозных и мировоззренческих чувств граждан. Может, стоит напомнить, что согласно Уголовному Кодексу РФ (ст.77), умышленные действия, направленные на возбуждение... религиозной вражды или розни... пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии... наказываются лишением свободы на срок до трех лет. То же действие, соединенное с насилием, обманом или угрозами... наказывается лишением свободы до пяти лет. Может, вас мучают лавры моджахедов, восклицающих: «Я не принимаю и не подчиняюсь ни одному российскому закону».

Парадоксальна сама ситуация. С одной стороны, прославляются идеалы терпимости, покорности и доброжелательности, завещанные пророками мировых религий, провозглашается идея «нет принуждения в вере», а с другой, — каждый, кто не разделяет религиозной эйфории, объявляется мунафиком, кяфиром, соучастником всех преступлений и нравственным злодеем, которому необходимо объявить джихад. Мир в предлагаемой концепции поделен на две части: мир ислама и мир неверия. И мусульманам следует «уяснить разницу между государствами, жителей которых надо убивать и селиться там нельзя, и государствами, которые надо защищать...». В обществе постоянно и пока необратимо усиливается психологическая напряженность и агрессивность, чувство отчуждения и враждебности между отдельными людьми, между регионами, нациями.

Прискорбно, когда на обломках одной мифологической системы возводится другая, не менее воинственная. Если раньше периодическая печать пестрела высказываниями, оскорблявшими чувства верующих, то теперь впору говорить о защите достоинства неверующих, поскольку единственным основанием подлинной нравственности объявляется вера в Бога. Откройте любую исламскую газету и вы обнаружите статьи с подробным описанием свойств и пороков неверующих, о тех цепях, которые ведут их в огонь Ада. Это при том, когда социологические исследования, проводимые в Дагестане, свидетельствуют, что число людей, которых можно отнести к убежденным верующим, составляет чуть более 60 %. Остается фактом существование неприятия религии многими гражданами. И это не «по невежеству и лени мысли», как пишут авторы газ. «Ассалам», а из упования на собственный, человеческий разум, отличающий его от животного. Это та сила, которая ведет по жизни каждого.

Но такой ответ вряд ли удовлетворит нашего оппонента. Для него мир бесконечен, непознаваем и разумно устроен. Разумно устроенный мир должен иметь Создателя, и все в этом мире происходит по Его воле. Войны, болезни и природные стихии, и несчастья, и страдания. Быть может, многих он покарает за неверие. Но за что страдают миллионы верующих? Где здесь разумность мироустройства? Впрочем, эта необъяснимость и противоречивость и есть разумность Создателя, ведь Абсолютный разум непостижим.

Только остается вопрос: как говорить о разумности непостижимого, и как человеческий разум способен постичь и оценить Абсолютный разум и его волеявление? Хотя, наверняка, у авторов известных публикаций и на этот вопрос давно готов ответ.

Сегодня молчаливо признается, будто приобщение к культуре народов Востока предполагает реставрацию религиозной мысли, ее сюжетов, нравственных предписаний. Подчеркивается насильственный разрыв между богобоязненным Востоком и внешне атеистической Россией, хотя и этот тезис достаточно уязвим. Ведь многие выдающиеся умы Востока выступали против идеи теизма и теологии, пережив весь ужас средневековой инквизиции и михны. Вам, уважаемые, следовало бы знать, как за свои взгляды гонениям и преследованиям подвергались упоминаемые в вашей газете истинные творцы классической мусульманской культуры: Ибн Сина, Бируни, аль Кинди, аль Фараби, ибн Рушд, Фирдоуси, Омар Хайям, Низами и др.

И как тут не вспомнить слова известного философа: «Меня охватило чувство боли за нашу стадную духовность. Неужели мы, наследники богатейшей культуры, прошедшие через выжигающий все иллюзии опыт истории, способны лишь, подобно щедринским глупцам, «тяпать» головами и кидаться от одного раската к другому...». Вспомнил эти слова вовсе не для того, чтобы как-то убедить читателя в правоте идей атеизма. Это не входит в наши намерения. Хочется лишь напомнить, что вековая полемика вокруг теизма и атеизма далеко не окончена, и здесь, как, пожалуй, ни в каком другом вопросе, нельзя поддаваться моде, духовным поветриям, эмоциям и чужим, не всегда бескорыстным подсказкам. Метафизические истины открываются не в результате громогласных нападков, а посредством глубоких и всесторонних знаний.

Разумеется, речь не может и не должна идти и о «воскрешении» того псевдонаучного суррогата, объявленного воинствующим атеизмом. Его предмет формировался в рамках идеологических штампов, за которыми маячили башни сторожевых вышек, далеких от философской полемики. Для него, по сути, вопрос религии, объявленной пережитком, был изначально известен и решен. Тем более, не так все оказалось просто в окружающем нас мире. Перечень явлений, ставящих ученых в тупик, растет быстрее, чем количество приемлемых ответов на них. И никто не вправе претендовать на их исчерпывающее объяснение. Многие из того, что раньше объявлялось суеверием, сегодня привлекает внимание серьезных исследователей. Но это вовсе не означает, что религия дает ответы на вопросы, которые ставит пытливый ум. Скорее, она сегодня сожалеет о чинимых ранее ею препятствиях в познании человеком себя и окружающего его мира. Это ведь известные всем факты. Да и в вопросах нравственности, где ответ на вопрос о существовании в мире зла. Почему всеблагий и всемогущий Бог не избавит мир от зла и пороков? Почему честный и порядочный правоверный страдает больше, чем проходимец и преступник? Что же Бог, не сведущ? Или зло не в его власти? Вы скажете, все воздастся в потусторонней жизни. Что же сказать, если нет рациональных аргументов? Остаются иррациональные. А может, Бог отрешен и не проявляет себя в мире? Или же, почему бы не всмотреться в самого человека, в его естественную природу. Тогда логичный вопрос: зачем тогда бить челом? Таких вопросов множество, и религия не может дать на них однозначные ответы. Об этом говорят вековые теологические споры, не прекращающиеся и по сей день. Об этом же свидетельствуют религиозная апологетика и философия теодицеи — оправдания божественного промысла.

В этом смысле мы находимся в удивительной ситуации, едва ли имеющей прецеденты в прошлом. Эта ситуация требует от нас диалога, учета философского многообразия взглядов, признания права на существование тезиса и антитезиса. Осознание этой необходимости привело Ватикан в нынешнем веке к созданию католического отдела по диалогу с атеистами. Культура, исключая насилие и тоталитаризм, не может нормально развиваться без критического самосознания, и именно эту функцию на протяжении всей человеческой истории выполняет и выполнял в ней атеизм.

Свобода совести является самодостаточной ценностью и относится к одному из главных прав человека. Ее реализация во многом зависит от взаимной терпимости и

взаимоуважения между верующими и неверующими и их совместного выступления против проявления нетерпимости, экстремизма и радикализма на почве отношения к религии. Рецидивы подобной нетерпимости, эксплуатация «образа врага» — это вызов свободе совести. Противостоять этому вызову во имя гражданского согласия и консолидации в Дагестане — общая задача верующих и неверующих.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. На наш взгляд, стратегия Правительства РД, должна исходить из необходимости деполитизации религии. Республика не должна принимать религию в качестве официальной идеологии, и в своей практической и законотворческой политике не должна исходить из ее предписаний. Исламские, как и другие религиозные организации, в соответствии с конституционным принципом отделения не могут выполнять функции органов государственной власти и органов местного самоуправления. Они не должны участвовать в деятельности политических, партий и выборах в органы государственной власти. Эти ограничения — важное условие бесконфликтного функционирования религии и обеспечения равноправия всех конфессий в Дагестане.

2. Основная задача: как минимум, нейтрализовать религиозные партии и движения в их устремлениях к инициации бывших «союзнических» отношений с государством, когда религиозные организации служили прикрытием для деятельности различных спецслужб, получая взамен всякого рода привилегии. Необходимо отойти от ситуации, когда взамен на лояльность к власти, религиозные организации получают те или иные государственные функции. Конечно, очень удобно, чтобы религиозные организации выполняли функции некоторых бездействующих государственных органов, но в перспективе это только усугубит внутри- и межконфессиональные конфликты, и увеличит притязания религиозных организаций на власть.

3. Весьма существенным является отход от иллюзий относительно безучастности государства в религиозной сфере. Оно должно вернуться к практике контроля за соблюдением религиозными организациями Закона «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях РД» и за религиозной ситуацией в целом. При этом следует учесть, что реальное регулирование может быть только при соблюдении принципа равноудаленности и взаимном уважительном отношении друг к другу каждой из сторон: государственных органов и религиозных организаций.

4. Недопустимо и то, чтобы обучение в религиозных образовательных учреждениях, проведение общественно значимых мероприятий и семейных торжеств проводилось с разрешения или одобрения религиозной организации. Разрешительная система — это прерогатива государства и ее органов. Необходимо в полной мере восстановить конституционные принципы светского государства.

5. Достаточно очевидна и необходимость постоянного наблюдения за социальными, политическими ориентирами духовенства, за характером связей религиозных организаций между собой и с внешним миром, с общественными и государственными и международными структурами.